

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН
НАЙТИ ГЕРОЯ

ГЛАВА 1

Астероид был небольшим, каких-то сто километров в длину и десять в ширину. По условной толщине и того меньше — метров семьсот. Этаким пластик классической жвачки. Летел он ровно, почти не кувыркаясь, и не так чтобы очень быстро. По космическим меркам, конечно. Астероид летел курсом атаки и за два года с момента обнаружения не дал ни единого повода усомниться в серьезности своих намерений. Скорость небесного булыжника отличалась завидным постоянством, катастрофа с каждым днем становилась все более реальной, но способа, чтобы ее избежать, никто так и не придумал. Астрономы наблюдали, военные и гражданские специалисты тщетно искали решение проблемы, а каменная плита продолжала свой пространственный серфинг по волнам звездных течений, направляясь точно к Планете.

— Предлагаю разрушить его сверхмощной термоядерной боеголовкой! — генерал Бубнов произнес эту фразу, наверное, в сотый раз за вечер.

— И на Планету свалится не одна глыба, а град из тысячи астероидов помельче, — председатель секретной кризисной комиссии, а в миру Президент Планеты П. П. Думский в сотый раз отрицательно покачал головой. — Эффект будет почти тем же. От Планеты останется изрытый воронками безжизненный шар.

— Это лучше, чем осколки шара! — уверенно заявил генерал. — Люди не смогут жить на горячих обломках, господин Президент!

— На горячей сырной головке они тоже не смогут жить. — Президент тоскливо взглянул на главного гражданского специалиста, профессора-астрофизика Лебедянку. — Ваше мнение, Вениамин Арнольдович?

— Я его уже озвучивал, — профессор колыхнул третьим подбородком, видимо, нервно сглотнул. — Мы обречены.

— А если без слез? — Думский приподнял одну бровь.

— Мы обречены, — менее трагично повторил Лебедянку. — Ведь уничтожить астероид невозможно. Разве что попробовать сбить глыбу с курса. Это, конечно, тоже не решение проблемы, поскольку под действием притяжения Планеты объект опишет в пространстве эллипс и, в конце концов, вернется. Однако вернется он не раньше чем через месяц. Возможно, к тому времени мы найдем способ... Но не с помощью оружия, это однозначно! Против данного астероида оно будет бесполезно. Свойства составляющего объект вещества настолько необычны...

— Это не выход! — перебил его Президент, потирая седые виски. — Уже два года мы ходим вокруг да около, но никто так и не предложил ничего стоящего. За что вы получили свои ученые степени и погоны, господа?! За что правительство платит вам баснословные деньги? Где решение проблемы?! Отсрочка нам не нужна. Нам требуется нормальное решение. Окончательное! Раз и навсегда!

— Полная эвакуация и ракетный удар, — снова завел свою пластинку Бубнов. — Когда Планета оправится от метеоритного дождя, мы вернемся и отстроим все заново.

— Она никогда не оправится, — вяло возразил четвертый участник секретного совещания. — Мы ее потеряем. Даже не стоит тратить время. Я согласен с генералом в одном: нужна эвакуация. Полная, всеми доступными средствами.

— Вы представляете, что начнется, когда мы объявим о таком решении, господин Хорошеев?! — возмутился Президент. — Паника, хаос, неуправляемость...

— Это уже забота спецслужб, — господин Хорошеев горделиво выпрямился. — Моя забота, господин Президент.

— Бред... — фыркнул последний из тайных заседателей, командующий космофлотом адмирал Труба. — Вы слишком высокого о себе мнения, господин директор. Сто миллионов человек против полумиллиона агентов вашей Планетарной Службы Безопасности. По двести душ на рыло. Хрен управитесь.

— Привлечем полицию, флотских офицеров и национальную гвардию, — невозмутимо произнес Хорошеев. — В сумме получится миллион, как вы говорите, «рыл».

Адмирал нахмурился.

— Труба прав, — вступился за коллегу генерал Бубнов. — Совладать с хаосом таких масштабов по силам только... не знаю... одному богу, наверное. Надо эвакуироваться постепенно. Сначала спасти технику для освоения новых земель, потом организовать пропаганду. Ну, вроде как найдена более приличная планета, и участки там задешево продаются. Когда улетят все новообращенные колонисты, оставшимся можно и объявить, что дело труба... то есть... ну... плохо дело.

Адмирал взглянул на коллегу искоса.

— Хорошая идея, — одобрил Президент. — Что же вы раньше молчали? Теперь это может не сработать, ведь у нас осталось... Профессор, сколько у нас осталось?

— Три дня, — толстяк обреченно вздохнул. — Ну и еще месяц, если в первый раз пронесет.

— За месяц общественность на подвиги не раскачаешь, — согласился с президентскими сомнениями Хорошеев. — За три дня — тем более.

— Ну, давайте для начала объявим мобилизацию, — предложил Бубнов.

— На каком основании? — удивился службист.

— Ну, как бы на военные сборы, только для отработки освоения новой планеты, — генерал был явно в ударе. Идеи сыпались из него, словно из рога изобилия.

— Дело, — вновь одобрил Президент Думский.

— Раскусят, — твердо возразил Хорошеев. — Нам поможет только элемент внезапности. Пока народ будет в шоке, ему не придет в голову ни мысль о панике, ни о чем-то еще. Главное, успеть до тех пор, когда шок пройдет.

— А какую вы предъявите планету?! — возмутился адмирал Труба. — После Третьего Черного шторма на сто парсеков вокруг нашей системы не осталось ни одного пригодного для освоения шарика! Заявите, что нашли потерянный путь на Землю? Вам никто не поверит.

— Президенту и не поверят?! — теперь возмутился глава государства.

— В первую очередь, — брякнул, видимо от крайнего расстройства, профессор.

— Что?!

— Я хотел сказать... — заерзал Лебедяно. — Я не так хотел выразиться!

— Профессор сомневается, что версия прозвучит убедительно даже из ваших уст, — пришел на помощь вспотевшему от смущения астрофизику Хорошеев. — «Даже» и в «первую очередь» довольно близкие по смыслу выражения. В данном контексте.

— Да? — Президент задумался. — Не вижу ничего близкого, но ладно. Будем считать это неудачной шуткой. Неуклюжей попыткой разрядить обстановку.

— Все одно, не пойму я, — снова прогудел Труба, — почему вы на эвакуацию налегли? Кого вы за три дня успеете эвакуировать, даже если весь народ, вместо того чтобы запаниковать, начнет ходить строем и отдавать друг другу честь? Хоть за месяц, хоть за год, больше миллиона не вывезти. Поскольку больше на корабли не влезет, а высаживать их на самом деле некуда! Ведь это только «утка» такая, про новые планеты, а на деле — чистая

отсидка в космосе и на непригодных для жизни соседках по звездной системе! Но все космические станции и так переполнены, а под куполами городов на Аресе и на спутниках Зевса нет достаточного запаса продовольствия и воздуха. Что же получается, иначе справиться с напастью совсем никак? Девяносто девять процентов населения — псу под хвост?! Профессор зря по три пайки за раз лопаает?

— Сбить астероид с курса невозможно! — обиженно выпалил Лебедянку. — Хоть четыре пайки за раз съешьте — ничего не придумаете! Накроет он нас большой медной трубой!

— Ты можешь этого и не увидеть, — адмирал угрожающе потер правый кулак, надо сказать довольно внушительный. — Из-за фингалов.

— Прекращайте этот детский сад, — Президент поморщился. — Серьезные взрослые люди...

— У нас есть «Криптон», — отводя взгляд от пунцовой физиономии Трубы, сказал профессор. — Правда, это лишь опытный образец. Там, кроме двигателей и каркаса, никаких удобств.

— «Криптон»? — Президент поиграл лазерным пером. — Суперкрейсер? А дооборудовать его можно?

— В него вложено десять годовых бюджетов министерства обороны, — осторожно напомнил Хорошеев. — Не слишком ли широкий жест?

— Спасение человечества стоит любых денег, — Президент удивленно уставился на Хорошеева. — Разве это не очевидно?

— Согласен, но для меня не очевидно другое — серьезность угрозы.

— Вам принести телескоп?! — возмутился Лебедянку.

— Астероид можно увидеть в телескоп? — директор с подозрением взглянул на профессора. — Почему же его до сих пор не заметили астрономы-любители?

— Потому что он летит прямо на нас и выглядит для планетарного наблюдателя как тень размером семьсот метров на десять километров. Такой объект почти не поддается обнаружению в оптический телескоп! Он неспособен заслонить собой ни одной звезды. А сам он свет не отражает. Что вас еще интересует?

— Только одно — зачем тогда вы хотели дать мне бесполезный оптический прибор? — невозмутимо ответил Хорошеев.

— Я понимаю, что служебный долг обязывает вас относиться с подозрением к любой информации, — вмешался Президент Думский, — но я лично видел на экранах систем радионаблюдения этот кирпич. Да и снимки с орбитальных станций Ареса подтверждают — угроза существует, и решать проблему следует всеми доступными средствами. Несмотря ни на какие затраты. Так можно доделать крейсер или нет? Лебедянку и Труба, вопрос к вам.

— Я знаком с конструкцией «Криптона» заочно: видел схемы, читал рапорты. Но думаю, что присобачить ему рубку от стандартного корабля можно запросто, — адмирал пожал плечами. — Это дело пяти минут. А вот электронику засунуть, ракеты подвесить и орудийные башни установить — не успеем. А без них какой он суперкрейсер? Так, действующая модель.

— Но я слышал, что корабль развивает небывалую тягу, — перебил его Президент. — Профессор, насколько нужно сдвинуть траекторию астероида?

— Если в ближайшие сутки — на десять градусов, — в глазах Лебедянку появились искорки надежды.

— А небывалая тяга — это сколько? — поинтересовался Бубнов.

— Военная тайна, — Президент усмехнулся.

— А я кто? — удивился генерал.

— Философский вопрос, — вмешался Хорошеев. — А какова масса астероида? — спросил он, обращаясь к астрофизику.

— Объект очень плотный и тяжелый, — профессор вздохнул. — К сожалению, это единственное, что мы поняли из исследований. Вещество астероида настолько необычно, что почти все наши знания и аппаратура оказались бессильны. Единственное, что можно сказать с полной уверенностью, никакие термоядерные ракеты ему не страшны. Он поглощает любую энергию, в любом количестве, как пылесос. Его не сбить с пути даже серией взрывов. Даже если вы ударите разом из всех пушек и засыплете его боеголовками! Но и когда наступит предел его поглощающей способности, взрывы просто расколуют астероид на мелкие фрагменты, и метеоритный дождь...

— Слышали, уничтожит все живое на Планете, — Президент махнул рукой. — А если нажать плавно, однако с достаточным усилием?

— Ну-у... не знаю.

— Да все равно он не готов! — воскликнул Труба. — Я про «Криптон». Там ни одного компьютера еще не установили. Голая конструкция и система управления двигателями! Я буквально вчера получил текущий рапорт.

— А что еще нужно? — удивился Президент. — «Присобачиваем» рубку, выводим на ее пульт педаль газа... или что там, кнопку... и все.

— Как это все? — адмирал почесал в затылке. — А эти... системы телеметрии для стыковки, связь, поворотные двигатели... Да много чего еще! Лебедянку, что вы молчите? Это же ваша вотчина.

— С астероидом его состыкуют автоматические буксиры, а связь ни к чему, — оживился профессор. — Чтобы передачу не перехватили какие-нибудь журналисты. Если кто-то пронюхает, что мы два года скрывали такую жуткую тайну, несдобровать всем, кто был в нее посвящен. Так что фиксируем «Криптон» на астероиде и врубаем двигатели крейсера на полную тягу.

— Врубаем... — задумчиво повторил адмирал. — А кто?

— Что — кто?

— Кто врубит? — пояснил Труба. — Ведь без связи команду не дашь. Да и некому будет ее давать, если компьютер на «Криптоне» не установим.

— Тебе же сказали — педаль! — вновь подключился к беседе Бубнов. — И рубка. Пилот там будет.

— А-а... — Труба несколько раз кивнул. — Доперло!

— Что-то на редкость быстро, — ухмыльнулся Хорошеев.

— А кто пилотом-то станет? — спросил Труба, не обращая внимания на его подковырку. — И что будет после? Ведь «Криптон» от астероида клещами не оторвешь, он все топливо на тягу спалит, движки-то у него о-го-го какие, конструкции Мерсье! Они же топливо ведрами хлебают. А что помельче, запасной челнок какой-нибудь, оттуда не взлетит. Тяжело. Камикадзе будем искать?

— Нет, такие нам не подойдут, — возразил Лебедянку. — С двигателями Мерсье шутить нельзя. Ведь сам крейсер пока лишь голая конструкция.

— Рама и двигательный блок, — подтвердил адмирал. — Даже без защитного кожуха. Как доисторический мотоцикл.

— Это и плохо, — профессор вздохнул. — К подобным двигателям без защитных средств нельзя приближаться даже на километр. Они такое магнитное поле генерируют, что с ума можно сойти. В самом прямом смысле. Как показали исследования, это поле очень

серьезно воздействует на психику. Усиливает любые эмоции, страхи или переживания в тысячи раз.

— Представляю, — пробормотал Труба.

— А вы умеете? — опять поддел его Хорошеев.

— Если в обычной жизни человек часто беспокоится, например, выключил ли утюг, то в таком поле он наверняка чокнется.

— Вот именно, — согласился Лебедяно. — Он может чокнуться от чего угодно. От невыносимой тоски по родным и близким, от тысячекратно усиленного желания поиграть с любимой собакой или в очередной раз полистать альбом с открытками. Чтобы оставаться на «Криптоне» длительный период, нужна очень крепкая, стабильная психоматрица. То есть пилот не должен быть ни сумасшедшим, ни фанатиком, ни склонным к истерике или капризам психопатом. Он не должен быть даже увлекающимся, таким, знаете ли, влюбленным в свою профессию или во что-то еще. Никаких ярких эмоций или душевного надлома, никакой склонности к самоубийству. Нужен абсолютно здоровый человек, сохраняющий самообладание даже в ситуации скорого светопрествления и невеселой лично для него альтернативы.

— Герой, — хмыкнул Хорошеев. — Из кино. Невозмутимый, жестокий, но справедливый.

— Герой, — согласился профессор. — Нет, действительно — герой, без иронии. Ведь только подумайте, он должен пойти на это дело, зная, что о его подвиге не догадаются даже астрономы-любители. Не будет ни награды посмертно, ни благодарности потомков, ни памятных монет с его профилем. Если мир выживет, тайна спасения человечества так и останется тайной за семью печатями, а если Планета погибнет, о герое и вовсе не вспомнит ни одна живая душа. Никто ведь не выживет.

— Нормальная ситуация, — заявил Труба. — Солдаты часто рискуют собой. Я найду вам военного пилота за минуту.

— Солдаты не годятся, — возразил Лебедяно. — Они люди увлеченные.

— Кто? Солдаты?! — адмирал искренне рассмеялся. — Да более уравновешенных, неэмоциональных и бездушных ублюдков, чем, например, в космодесантном батальоне «Бешеные Волки», вы не найдете на всей Планете! Так, Бубнов?

— Нет, — упрямо заявил профессор. — Вы меня не поняли. Эти ваши «волки», может, и чурбаны чурбанами, но все равно люди, любящие свою профессию, свое оружие, себя, таких непобедимых и романтично-загадочных. Здесь нужен человек, который не любит даже самого себя и в то же время никогда не сунет голову в петлю, потому что это не придет ему в голову и в страшном сне, но при этом способен, пусть и без восторга, пожертвовать жизнью ради великой цели. Ни солдаты, ни примерные обыватели, ни, наоборот, преступники не подойдут. Они все имеют свои недостатки, устремления, привязанности, в конце концов.

— Из кого же выбирать? — размышляя вслух, пробормотал Бубнов. — Из алкашей и наркоманов?

— Они не проходят по здоровью. Нужен человек равнодушный ко всему, в том числе к этим губительным соблазнам. Человек самодостаточный, но внутри своего замкнутого мирка готовый на подвиг. Абсолютно уравновешенный, с железными нервами, каменным рассудком, но без привязанностей в жизни, эмоций в душе, изящных мыслей в голове и без иллюзий насчет высшего предназначения. Как своего, так и всего человечества.

— Отморозивший голову тормоз, — резюмировал Хорошеев. — Отличный герой нового времени. Эпохальный портрет.

— Вы почти подходите, — отомстил ему Труба.

— Почти не считается, — равнодушно отмахнулся службист.

— Н-да-а, — Президент поднял тоскливый взор к потолку. — И где за три дня найти такого мизантропа? А после убедить его, что ненавистный мир взывает о помощи именно к нему. Вернее, что именно он обязан помочь нелюбимым согражданам пожить лишний месяц. За его счет. А после все равно сгореть. Задача...

— Астероид может и не вернуться, если «Криптон» изменит его траекторию достаточно сильно, — неуверенно произнес Лебедялко.

— Не изменит, — хмуро отрезал Президент. — Не обольщайтесь. Ваш мизантроп обеспечит нам именно отсрочку. Это, кстати, важно — запоминайте все, ведь неизвестно, кому из нас придется его убеждать — ему придется сделать выбор не между серой жизнью и «красной» смертью, как говорится, «на миру», а между обычной, никому не заметной смертью сейчас или чуть позже, вместе с остальными... Кто на это согласится, тот и станет пилотом. Так, Лебедялко?

— Совершенно верно.

— Если кто-нибудь узнает, что нам потребовался такой урод, — Бубнов покачал головой, — и отклонение сработает... Нам придется провести последний месяц перед концом света, отвечая на множество неудобных вопросов. Не хотелось бы. А уж если этот кирпич улетит вовсе... это звучит парадоксально, однако нас сначала поблагодарят, а затем разорвут на части.

— Мизантропа я вам обеспечу, — вызвался Хорошеев. — По-тихому. Если потребуется, применим сканирование мыслей. Есть у нас на вооружении несколько соответствующих приборов, отдаленных потомков полиграфа. А что касается неудобных вопросов — будьте покойны, генерал. Выполняя задание, моя агентура не станет спрашивать, зачем начальству потребовался именно такой субъект.

ГЛАВА 2

— Задача не для слабонервных, — специальный агент Щеткин закончил ввод программы, переключил сканер мыслеграфа в режим поиска и надел на запястье замаскированный под часы экран. На этот экранчик выводился текст мыслей испытуемого и картинки возникающих в его сознании образов. Текст получался мелким, но «часы» были все равно удобнее предыдущей модели — имитации карманного компьютера. Да и основной блок нового аппарата для чтения чужих мыслей напоминал привычный табельный излучатель и прекрасно умещался в наплечной кобуре. — На кой черт начальству сдался такой крендель?

— Все экспериментируют, — агент Совковский, младший в «сто семнадцатой оперативной двойке», усмехнулся. — Вспомни операцию в феврале прошлого года.

— Когда с помощью мыслеграфа вычисляли маньяков? Поговаривают, что тот эксперимент провалился. Прибор указывал на каждого, кто дольше чем на секунду задумывался о бабах.

— Ну и этот провалится. Соберут сотню таких вот отмороженных, проверят их на большом, стационарном, мыслеграфе, затем еще какие-нибудь опыты поставят, да и прикроют проект.

— А денежки в двойном объеме спишут, — закончил Щеткин. — Знаем мы эти махинации. Ладно, пошли по точкам. С чего начнем?

— Как обычно, — Совковский поправил узел галстука. — Заодно и горло промочим.

Они покинули здание Восточного управления Планетарной Службы Безопасности через парадный подъезд и не спеша двинулись к переходу на подземный общегородской уровень. Вечно сверкающий неоновой рекламой, вдоль и поперек продырявленный

тоннелями метро, лязгающий челюстями ступенек эскалаторов, шумный, тесный и суетливый. Помимо транспортных артерий и пешеходных вен, здесь размещались заведения самого разного профиля. От супермаркетов и салонов до баров и борделей. Постоянная «ночь» подземелья позволяла владельцам магазинов торговать с вечной «ночной» наценкой, а заведениям под красными фонарями круглосуточно трудиться, не смыкая... глаз. И что удивительно — практически легально. Ловкие адвокаты уже давно доказали, что если имеющее окна заведение не освещается солнцем хотя бы по два часа в день, режим его работы должен считаться ночным, вне зависимости от общепринятого деления суток на условные периоды. А в ночное время функционирование борделей считалось почти законным.

Здесь же, в подземелье, на задворках общественных заведений, среди хитросплетения городских транспортных путей и развязок, жили и многие граждане. Причем не обязательно представители «социального дна». Хотя чаще все-таки они. Твердолобые чернорабочие, беглые воры, вонючие бродяги, грязноватые потаскушки, окончательные пьяницы, отъявленные наркоманы, психбольные и прочие изгои «наземного» общества.

По мнению агентов, найти требуемого субъекта можно было только здесь. Если не в баре или вагоне метро, то в районе «спальных пещер» — точно.

Как выяснилось, так решили не только Щеткин и Совковский. Едва они оказались на главной площади восточного подземного сектора — это было просторное, но захламленное помещение с низким, пятиметровым, потолком, — им навстречу из толпы вынырнули еще двое агентов. Выглядели коллеги, как два шарика из одного подшипника. Калиброванные, наголо бритые крепыши в стандартных костюмах. Задание у них было тем же. Это угадывалось с первого взгляда. Сегодня они не маскировались под угрюмых «сотрудников частного охранного предприятия» или промасленных рабочих метрополитена, а щеголяли в строгих тройках со значками ПСБ на лацкане.

— А-а, и вы здесь, — Щеткин усмехнулся. — Пивцов и Воткин в одном стакане. Братья по оружию. Все время путаю, кто из вас кто. Что вас занесло в чужой сектор?

— Ищем, — неопределенно ответил один из «братьев», наверное, Воткин. Или Пивцов.

— А почему не у себя? — поинтересовался Совковский. — В центральном секторе не осталось подходящих субъектов? Всех подмели?

— Работаем, знаете ли, — гордо ответил Пивцов. Или Воткин. — У нас показатели на порядок выше, чем в некоторых секторах. В восточном, например.

— Укусил, ничего не скажешь, — Совковский рассмеялся. — Ну и как результат?

— Пока абсолютный ноль, — признался Воткин, а может, и Пивцов. — А время идет. Объединимся?

— Нет, Пивцов, — придержав напарника за рукав, отказался Щеткин, — толпой нам тем более никого не найти.

— Я Воткин, — признался агент. — Зря вы отказываетесь. Прочесали бы, как гребенкой, глядишь, пару блошек бы выловили.

— Работа с информаторами гораздо эффективнее прочесывания, — назидательно проронил Щеткин. — Запомни, брат Воткин.

— Ну, можно же и совместить, — неуверенно предложил Пивцов.

— Ладно, — неожиданно для «братьев» сдался Щеткин. — На платформах и в пешеходных тоннелях наблюдаем в восемь глаз, а в заведениях — увольте — говорить с информаторами будем только мы, а вы создавайте фон и молчите. Договорились?

— Идет, — «братья» разом кивнули.

Все четверо, не сговариваясь, потянули носами и направились к ближайшему ресторанчику. Оттуда пахло жареной курицей, березовыми вениками и спиртным. Такое сочетание запахов на Планете считалось более чем подозрительным. Навстречу агентам тут же вылетел официант с грязноватым полотенцем в руке. Он проворно смахнул крошки с ближайшего столика и расплылся в заискивающей улыбке.

— Четыре по сто? — поинтересовался он.

— Чем это пахнет, Базилио? — с подозрением прищурясь, спросил Совковский.

— На кухне... пригорело, — улыбка официанта стала вымученной. — Закусочки?

— Обойдемся, — ответил Совковский. — Ты лучше скажи, есть среди твоих клиентов подозрительные лица?

— Что вы, господин агент! — официант деланно возмутился. — У нас приличное семейное заведение!

— Ну да, — Совковский ухмыльнулся и взглянул на Щеткина.

Тот принял эстафету и брезгливо взял официанта за лацканы форменной курточки.

— Планете нужен рыцарь без страха и упрека, Базилио. Крутой, непробиваемый парень без мозгов и вредных привычек, с железными нервами, холодной головой и горячим сердцем. Знаешь такого?

— Так вот же вы, — официант обвел широким жестом всех четверых.

— Ты мне эти шуточки брось, — Щеткин нахмурился и легонько встряхнул официанта. Так, что у того щелкнули зубы.

— Виноват, господин специальный агент! — Василий, так его звали на самом деле, испуганно вытаращил бесцветные глаза. — Бывают у нас крутые ребята, но с привычками у них не все в порядке. Выпивают. Много.

— Значит, не сгодятся, — резюмировал Щеткин. — А непьющие сюда не забредают? Хотя бы случайно.

— Вы лучше в спортзале поищите, — предложил официант. — Там непробиваемых полно! И без мозгов из них половина, если не больше.

Он настороженно покосился на плечистых «братьев».

— Нет, клубы по интересам нам не подходят, — Щеткин отпустил Василия, и тот облегченно вздохнул. — Никаких увлечений, никакого интереса к жизни, водке, наркоте и даже к бабам.

— У Макарыча племянник слепоглухонемой, — вспомнил официант.

— Нет, нужен здоровый, — возразил Совковский. — Здоровый, только...

— Тормоз, — подсказал Пивцов-Воткин. Тот, что стоял левее.

— А-а, — Василий озадаченно почесал живот. — Ну и ребус вы загадали! Зачем это Планете потребовался такой тип? Разогналась сильно, осадить требуется?

— По-моему, ты подойдешь, — насмешливо сказал Щеткин. — Хочешь стать планетарным героем?

— Я?! Нет! Я же пью! Как только смену отработаю, так сразу к бутылке! Не гожусь для опытов!

— А кто сказал, что «тормоз» требуется нам для опытов? — Щеткин снова насупилась и выразительно потер кулак.

— Так ведь... — официант втянул голову в плечи. — Знаю! Вам Гаврилыч нужен! Он только что от меня вышел. К Поликарпову направился. Вот уж кто пришибленный так пришибленный. В полный рост! Но здоровый — его два раза в психушку хотели упрятать, но врачи сказали, что здоров. И не пьет почти. Все ему вокруг фиолетово, точно знаю! Даже деньги может кому-то занять, а потом плюнуть на это, и все дела. Я ему уже три года десять

кредитов должен — ни разу не вспомнил. Он, наверное, в высших сферах витает, а там деньги ни к чему.

— Может, ему в свое время просто голову отбили? — засомневался Совковский. — Я что-то смутно припоминаю, кажется, был тут такой инцидент.

— Ну, было, конечно, — согласился официант, — но врачи-то говорят, что здоров! Как пить дать, вам Гаврилыч подойдет!

— Смотри, Базилио, — агент Щеткин легонько шлепнул официанта по пухлому животу. — Если не выстрелит вариант, вернемся. И тогда уж не взыщи, пойдешь с нами.

— Точно вам говорю — портрет с Гаврилыча писан!

В заведении «Кабачок Поликарпова» пахло еще подозрительнее, но хозяин оказался умнее Василия. Завидев четверых не маскирующихся под обывателей агентов, он сразу понял, что явились они не с облавой, а просто поговорить. Внимательно выслушав суть проблемы, он тут же сдал «сексотам» и Гаврилыча, мирно дремавшего у стойки, и еще десяток личностей. Видимо, своих недругов. Поскольку один из них находился в кабаке, агенты разделились. К жрущему за счет заведения громиле направились «братья», а Гаврилыча зажали Совковский и Щеткин. Кандидат в планетарные герои проснулся не сразу. Даже после того, как агенты представились и пару раз, для бодрости, сунули ему под ребра кулаки, Гаврилыч всего лишь приоткрыл один глаз и вежливо икнул.

— Есть контакт, — усмехнулся Щеткин. — Ты на связи, Гаврилыч? Полное-то имя у тебя какое?

— Иван Пантелеймонович, — после примерно двухминутной паузы ответил мужичок.

— О! А Гаврилыч почему? — удивился Совковский.

— А я почему знаю? — еще через минуту пришел ответ.

— По-моему, нормально, — с некоторым сомнением произнес Щеткин, взглянув на сотрудника. — Тормоз очевидный, но на вопросы отвечает. И водкой от него почти не пахнет. Мыслеграфом проверим или сразу заметем? Мне, честно говоря, не сильно охота у такого типа в башке ковыряться.

— Чем больше приведем, тем лучше, — согласился Совковский. — А там пусть сами выбирают. Начальство, наверное, лучше знает, чего ему надо.

— Меня так еще в зоне прозвали, — неожиданно выдал Гаврилыч. — По пятой ходке.

— А, черт... — Щеткин поморщился. — Все-таки надо было его прибором проверить. Сразу, вместо вопросов. Столько времени потеряли. Так ты что, рецидивист?

Гаврилыч устремил стеклянный взор в лишь ему видимую внепространственную глубину стакана. Щеткин невольно взглянул на часы.

— Вопрос минуты на три. Черт с ним, пусть сидит. Идем к «братьям», может, им повезло.

Они переместились за столик, где двое коллег, набычившись, «прессовали» бледного до синевы поликарповского недруга.

— И с братвой никак не связан? — угрожающе мычал правый Пивцов-Воткин.

— Привлекались ли вы к уголовной ответственности? — сверлил громилу взглядом левый.

В отличие от Гаврилыча, отвечал здоровяк почти без пауз. На осмысление вопроса у него уходило секунд по двадцать. Зато ответы были на редкость единообразными.

— Вы чего, гражданин начальник?

— Крепкие спиртные напитки употребляешь?

— Пробовали когда-нибудь наркотики?

— Гражданин... граждане начальники, вы чего?

— Пустышку сосете, — вывел Щеткин. — Без мыслеграфа видно — бандюган. Нам такие не подходят.

— Все судимости погашены, — вдруг донеслось от стойки.

— Не так-то это, оказывается, просто, — бросив скептический взгляд на разродившегося Гаврилыча, заявил Щеткин, — найти неглупого придурка без вредных привычек и с чистой анкетой.

— Это точно, — согласился Совковский. — Идем дальше?

— Идем.

— Господа агенты! — едва они вышли из кабака, их нагнал Поликарпов. — Так вы что же, не заберете этого... этого...

— Бандюка? Нет, — Щеткин строго взглянул на кабатчика. — Мы же вам ясно сказали: нужен нормальный человек. Мирный и тихий. А вы нам кого порекомендовали? Всех своих обидчиков скопом? Ну, вот теперь и расхлебывайте. В следующий раз будете умнее.

— Да какой следующий раз?! — взвыл Поликарпов. — Какой следующий?! Они же меня прямо в этот раз... как сервелат настрогают! Они же меня... они же...

— Так давайте мы вас заберем, — с издевкой в голосе предложил Совковский. — Соображаете вы плохо, теперь это понятно, и прошлое не запятнано. Лучше кандидатуры не придумать.

— Как же это... заберете? — кабатчик позеленел. — За что?! А ресторацию я на кого оставляю? Нет, вы не имеете права! Я честный гражданин, налогоплательщик, социально полезный член общества!

— Заткнись, — негромко приказал Совковский.

Поликарпов оборвал свою пламенную речь и окончательно скис.

— У меня дети, — всхлипнул он. — Я по ночам писаюсь! Я не могу с вами!

— Даю последний шанс, — Щеткин величественно приосанился и сложил руки на груди. — Нужен такой, как Гаврилыч, только без дурных наклонностей. Соображай.

Полный отчаяния взгляд Поликарпова заметался по площади.

— И вы заберете Кувалду?

— Кого? — притормозил Совковский.

— Заберем, — пообещал Щеткин. — Вон «братья» отведут твоего Кувалду наверх, и больше ты его не увидишь. Думай, Поликарпов. Размышляй. Да не над смыслом жизни, а над моим заданием.

— В чем смысл жизни... — пробормотал кабатчик. — Ну конечно! Смысл жизни! Тормозуха с антифризом! Как же я раньше-то... Я знаю, кто вам нужен, господа агенты! Стопроцентный вариант! Идемте, я провожу. Только... я не хотел бы оставлять заведение, пока там находится этот... ублюдок.

— Оплата по факту, — Щеткин пожал плечами. — Чем быстрее приведешь к субъекту, тем быстрее избавишься от твоего Кувалды.

Поликарпов припустил через площадь с такой прытью, словно за ним гнались все «кувалды» подземного уровня. Тренированные «братья» поспевали за ним след в след, а вот Совковский и особенно Щеткин приотстали.

— Никто... не желает быть героем, — преодолевая одышку, пробормотал Совковский. — Надо же... Готовы все секреты разболтать и по уши в помой окупнуться, лишь бы их не трогали.

— Патриоты, — тоже сбивая дыхание, усмехнулся Щеткин. — Им же надо за что-то героизировать. За просто так они у себя и геморрой с плоскостопием найдут и пол поменяют.

На средний. А за кредиты, медали, льготы и почести — пожалуйста. А если ничего этого не обещается, значит, «для опытов» забирают. Страшно становится. Да тебе самому предложи такой вариант, ты пойдешь?

— Был бы тормозом, может, и пошел бы.

— А ты кто? — Щеткин рассмеялся. — Нет, агент Совковский, ты бы не пошел. Раз все секретно, значит, не для парада герой требуется, а для какой-то черновой работы. Причем, видимо, для сильно черновой, ежели такой дубово-бетонный вариант психики у него должен наблюдаться. А мы с тобой «чернуху» уже переросли и ни за какие печенюшки не согласимся снова в дерьмо нырять. Да еще без оплаты, орденов и почета.

— Может, ему заплатят, — усомнился Совковский.

— Тогда так бы и сказали. Конкурс бы объявили. А они, видишь, тайный поиск устроили. Почему? Да потому, коллега, что на мясо герой пойдет, когда подвиг свой совершит. Без вариантов. Потому и нужен им такой тюфяк. Нам с тобой надо было не в подвал по привычке лезть, а по шахматным клубам пройти, среди «геймеров» очкастых пошарить, общество книголюбов навестить.

— Клубы не подходят, — напомнил Совковский.

— Черт, — Щеткин споткнулся и перешел на шаг. — Уморил Полуэктов.

— Поликарпов.

— Какая разница, — Щеткин махнул рукой. — Не могу больше. Что я — лось в период гона?

— Если субъект окажется подходящим, «братья» его на свой счет запишут, — предупредил Совковский.

— Они в нашем секторе — поделятся, — специальный агент прищурился, вглядываясь в дальний край площади. — Однако на ловца и зверь...

Совковский проследил за его взглядом. Там, вдали, миниатюрный Поликарпов тряс за рукав, а Пивцов и Воткин — с такого расстояния и вовсе неотличимые — деловито обшаривали карманы какого-то облезлого и абсолютно равнодушного типа.

ГЛАВА 3

— Молчи не молчи, а хрен ты со мной разведешься!

Люська грохнула о пол очередной тарелкой. Тарелки не бились, а только отскакивали от пластикового покрытия и со звоном катились куда подальше. Одна смешно застряла между полом и низкой поперечиной стола. Прямо на ребре. Две умчались в коридор, а еще одна — брошенная с особенной силой — отрикошетила, словно живая запрыгнула на стул и скромно прилегла на краешке. Федор смотрел на нее и размышлял, что если Люська уронит что-нибудь потяжелее, вроде большой кастрюли, вибрация может сбросить тарелку куда ей и положено. То есть на пол. А вот с пола ей уже никуда не деться. С него упасть нельзя. Хоть завибрируйся.

— Немтырь поганый! В доме ни кредита! За энергию год не плачено! Скоро все с молотка пойдет! Приставы каждый день ходят! Печка искрами плюется, утюг сгорел, кран течет! Васька из школы одни «бананы» таскает, Машка опять на аборт деньги клянчит — пятый уже, и это в пятнадцать! Хоть не колется, шалава, и то хорошо. Ты что же, так и будешь молча на все это смотреть?! Ты работать собираешься?! Или по дому что-то делать и детей своих ублюдочных воспитывать! Чего ты все время молчишь, полено бесчувственное?! Ты вообще считаешь, что я с тобой говорю? Или тебя в психушку пора сдавать?! Чего ты там думаешь себе? Думаешь, разоралась дура? А как же мне не орать, когда ты, как гирия, у меня на шее висишь, и ни помощи от тебя, ни поддержки! Даже по ночам от тебя проку нет! Стручок засушенный! Аутист сраный! Лучше бы ты водку жрал, чем так вот бревном сидеть!

Раньше на все эти выпады Федор обязательно ответил бы по пунктам. Сначала, что бревном обычно лежат, а сидят сиднем — правда, что такое «сидень» Федор не знал. Впрочем, он и не задумывался. Далее опроверг бы тезис, что пьющий муж лучше непьющего «сраного аутиста» (тоже странное и непонятное словосочетание). А парируя выпад на тему «засушенного стручка», ответил бы каверзным вопросом: когда Люська в последний раз смотрела на себя в зеркало и что она там увидела, кроме необъятных колышущихся телес? Едва различимые за щеками глазенки, жирные губищи и пять подбородков? А ниже? Студенистую грудь, теоретически — средоточие женской красоты, лежащую на трех таких же размеров складках, необъятные ручищи и слоновьи ножищи. И это в тридцать пять! В возрасте, когда женщина просто обязана быть в расцвете своих женских сил и строгой телесной форме. О каком «проке по ночам» может идти речь, когда ложишься в постель с человекообразной свиноматкой? Федор мог бы разбить в пух и прах и все прочие Люськины аргументы, но ему было абсолютно плевать. На все. На ежедневные и еженощные скандалы, на вязкую трясиину быта, одуряющее, цепкое безденежье и безнадегу, на работу, которая опостылела настолько, что он просто перестал на нее ходить. Наверное, его уже уволили, а может, еще нет. Плевать. Зачем чего-то добиваться, портить нервы, подсиживать сотрудников, манипулировать, подлизываться к начальству, если в результате как был, так и останешься никем? Ну, будешь больше получать, ну, займешь пост попрестижнее. Уйдешь на пенсию не рядовым работягой, а начальником. И на похоронах у тебя будут притворно скорбеть не только родственники, а еще и большие люди, которых привезут в лимузинах и увезут сразу после первого стука первого комка земли по крышке гроба. Даже добейся в жизни всего или стань самым умным — с собой этого не взять. Обеспечить детей и семью? Глупейший мотив. Все, что человеку дается кем-то, уходит сквозь пальцы, а пользу приносит лишь заработанное своими руками или головой — как уж сложится. Вот и выходит, что сожалеть о потерянной работе нет ни причины, ни повода. Хоть заорись тут Люська и застучись приставы.

Потому и не о чем говорить. А если не о чем, на фига напрягаться? Федор медленно перевел взгляд на беснующуюся жену. Развод? На кой черт он сдался? Чтобы не слышать этих истерик? А какая разница? Тишина лучше, но в ней скучно. Хотя вопли, конечно, не музыка и развлекают сомнительно. Скорее — отвлекают. Но развод — это суета. Ненужная, бессмысленная. Суды, истцы, ответчики, дележ имущества... Проще грохнуть эту истеричку об пол. Как те тарелки. Но это тоже не выход. Опять же суды, адвокаты, прокуроры, срок... Та же суета.

«А он, вообще, нужен, выход? Что делать, кто виноват? Не все ли равно?»

— Чего ты пялишься, скотина?! — Люська наконец-то схватила кастрюлю, но не грохнула посудину о пол, а запустила в Федора.

В принципе, надо было увернуться. Это подсказывал инстинкт самосохранения. В толстостенной стеклянной посудине было не меньше четырех-пяти кило веса, помноженного на скорость, и столкновение кастрюли с головой не сулило Федору ничего хорошего. С другой стороны, увернувшись от «болида», Федор предавал самого себя. Ведь культивируемая им внутри сознания позиция — почти философия — утверждала, что все вокруг пыль и бред. А значит, на все плевать.

«Выходит, не на все. Выходит, неувязочка в теории. Хотя вот на эту неувязочку как раз и плевать», — придя к такому выводу, Федор ловко увернулся от кастрюли и даже встал.

— Проняло?! — Люська злорадно прищурилась. — Постой так, я сейчас холодильник на тебя опрокину, может, еще и заговоришь!

Дождаться, когда Люська исполнит обещание, Федор не стал. Он покинул кухню и, сунув ноги в растоптанные донельзя ботинки, вышел за дверь. Короткий коридор вел на «проспект» — тоннель, выводящий на местную площадь, главное место культурной жизни всего сектора. На общественную жизнь Федору было тоже плевать, но на площади люди не так сильно шумели и никто не пытался его достать. Еще там можно было выпить, хотя Федора к алкоголю не тянуло. Да и в кредит ему уже давно никто не наливал. Даже антифриза. Хотя шутили на эту тему постоянно. Наверное, это и на самом деле было смешно, но Федора подначки не волновали. «Тебе антифриза или тормозной жидкости?» — блистал остроумием бармен. «Коктейль!» — поддерживал его кто-нибудь из завсегдатаев. «Федор, в чем смысл жизни?» — кричал кто-то еще, обычно из темного угла. И при этом никто ничем не угощал. Федор выжидал некоторое время, затем пожимал плечами и уходил. В другой бар или просто гулять по сектору. По его подземной части, разумеется. Наверху в последний раз он появлялся года два назад. Разыгравшийся тогда приступ агорафобии едва его не убил. Это ужасное бесконечное небо, этот жуткий ветер и обжигающий, перенасыщенный кислородом воздух... Ничего страшнее с Федором не случилось никогда в жизни. Теперь, конечно, дело другое. Когда тебе на все плевать, никаких боязней быть не может. Ни открытого, ни замкнутого пространства человек без эмоций не боится. Однако проверить эту теорию было невозможно. Ведь зачем подниматься наверх, если тебе по барабану, что там происходит, да и есть ли там что-нибудь, в принципе?

— Федя, к девяти возвращайся, ужинать будем! — донеслось из приоткрывшейся за спиной двери. Голос Люськи звучал почти ласково. Так происходило всегда, стоило Федору шагнуть за порог. Почему — он не понимал. Может, она боялась, что в один прекрасный день Федор не вернется? Или не хотела показывать соседям, что ее семейная жизнь идет «не как у людей»?

«Ханжество, глупость, лицемерие и лень в одном флаконе».

Если б не было настолько неинтересно, скучно и противно, Федор обязательно поразмышлял бы, есть ли смысл в существовании таких особей, как Люська, и таких социальных ячеек, как их семья. Но было как раз скучно и неприятно.

«Ну и наплевать». Федор почесал бедро ближе к ягодице и пошагал в сторону площади. Ходить тоже было неинтересно, но, как и увернуться от кастрюли, необходимо. Нет, Федор не надеялся увидеть на площади что-то новое, захватывающее и невероятное. В сказки он не верил с пяти лет. Просто организм требовал движения. А бессознательные желания были для Федора святы. Он не любил этот мир, населяющих его людей, Люську, себя самого как личность, но всегда уважал Федора Пустотелова как биологического индивида. Подсознание требовало пройтись и размяться — Федор шел и разминался. Подкорка сигнализировала, что пора поесть или, наоборот, избавиться от шлаков — Федор ел и... наоборот. Изредка организм даже заставлял хозяина грешить против такой стройной философии безразличия ко всему на свете и, повернувшись на бок, пристраиваться к храпящей в такой же позе Люське. Слава богу, случалось это редко и заканчивалось еще до того, как удивленная жена успевала перевернуться и перетащить Федора в классическую позицию — Люська признавала только ее.

Все это было потаканием телу. Но, в конце концов, Федор не был ни монахом, ни йогом и никаких обетов никому не давал.

— Федор!

Пустотелов сделал по площади только пару шагов, а его уже заметили. Событие было нерядовое. Федор обернулся и обнаружил, что перед ним стоят трое. Двое близнецов и кабатчик Поликарпов. Незнакомые братья выглядели слишком аккуратно для подвала, а

Полицарпов был чем-то сильно взволнован. Будь Федору не все равно, он бы, наверное, удивился.

— Обыскались тебя! — радостно сообщил владелец питейного заведения.

— Чтобы налить? — буркнул Федор после некоторого раздумья.

— Чтобы обыскать, — хмыкнул один из «аккуратных». — Руки подними.

Это было и вовсе что-то необычное. Но все равно неинтересное.

— Я арестован? — Пустотелов медленно поднял руки.

Перспектива обыска его не взволновала. В карманах у него не было ничего, кроме дыр.

— Полегче, Пивцов, — приказал кто-то, приближающийся слева.

Федор перевел безучастный взгляд на еще двоих «аккуратных», бегущих от кабака. То, что это были агенты Планетарной Службы Безопасности, он понял, а вот чего они хотят от никчемного обитателя подземелья, оставалось для Пустотелова загадкой. Впрочем, его это не волновало. Хотят, значит, надо им. А зачем — вообще не вопрос. Государственная необходимость, наверное.

— Как фамилия? — третий из аккуратных агентов запыхался.

Федор окинул его с головы до ног рассеянным взглядом. Этому служаке надо было чаще гулять. Наверняка привык ездить в роскошных машинах и лифтах, а стоило пробежаться — и сразу одышка...

— Пустотелов, — наконец соизволил ответить Федор.

Запоздалый ответ, казалось, агента даже обрадовал.

— Чем занимаетесь?

«Впрочем, имея такой костюмчик и такую работу, одышкой можно и пренебречь. Наверняка она не мешает ни хлопать дверцей лимузина, ни тыкать пальцем в кнопку лифта, ни поднимать бокалы с изысканным вином или иметь успех у дорогостоящих дам, наряженных в вечерние платья и бриллиантовые колье...»

— Ничем.

Агент утер белоснежным платком испарину и переглянулся с последним из «аккуратных». Тот сунул руку за пазуху, повозился с чем-то и включил на запястье небольшой экранчик. Это были явно не часы. Хотя бы потому, что вместо цифр или стрелок на экранчике появились какие-то строчки. Наверное, инструкция.

— А раньше чем занимались? В тюрьме не сидели?

«Кому она нужна, эта тюрьма? Что там интересного? Скука, похлеще, чем в одной квартире с Люськой. И такая же безысходность. Ну, или почти такая же. Что там обнадеживает? Ожидание, когда закончится срок? Ну и что с того? Выйдешь на волю, а там тот же подвал. Только без решеток...»

— Не сидел. Работал. Слесарем в космопорту.

Владелец часов-телевизора, самый запыхавшийся, но по виду самый важный из агентов, сверился с инструкцией и многозначительно поднял одну бровь.

— Что не пьете, видно сразу. Ну, а чем тогда себя, так сказать, занимаете? Как проводите свободное время? Ведь человеку надо как-то расслабляться. Может, вы рыбак или коллекционер? Или за женщинами не прочь приударить, а? Ну, там, «опять любовь — играет кровь».

Он игриво подмигнул. Федор даже бровью не повел.

«За женщинами? Однажды приударил. Было. Результат — дома. Сто двадцать кило живого веса, сальные крашеные патлы и вечные причитания, переходящие в истерику. И еще

два побочных эффекта десяти и пятнадцати лет от роду. Вот и вся любовь, вот и все романтические похождения...»

Агент, не отрываясь, читал свою инструкцию и ухмылялся. Это показалось Пустотелову странным. Каким-то он был несамостоятельным, этот «важный». Вздохнуть не мог без своей инструкции. Агент называется!

— Нет. За женщинами не бегаю. Я вообще никак не расслабляюсь. Я просто не напрягаюсь.

Агент удовлетворенно хмыкнул и на секунду оторвал взгляд от телевизора.

— Значит, вас в этой жизни вообще ничто не волнует? А деньги, уважение... Хотите, мы дадим вам денег? Много. Миллион!

«Хотели б дать — дали бы сразу. Миллион... Нашли идиота. Что с ним делать, с миллионом? Люське платьев с трусами закупить, а Машке таблеток, чтобы не беременела, как кошка? Клонят куда-то службисты. Завербовать хотят, что ли? Так ведь поздно. Вышел уже из того возраста, когда хотелось стать неуловимым и непобедимым суперагентом и крошить железным кулаком черепа бандитам...»

— Не надо. Не интересно мне это.

Видимо, Федор ответил искренне, а инструкций на такой случай телевизор не выдал. У агента даже немного вытянулось лицо.

— Вам что, не хочется наверх? Мы можем это устроить. Без всяких предварительных условий.

«Наверх, под это ужасное бездонное небо? Чтобы каждый день, каждый час испытывать приступы страха и головокружения? А вообще-то, плевать и на страх, и на кружение. Верх — низ, без разницы. Уведут наверх, значит, так тому и быть, но хотеть этого — увольте. Скучно...»

— Мне все равно.

Теперь агенты переглянулись уже все четвером. «Важный» даже вспотел, словно сделал по площади еще один круг. Он протянул руку третьему «аккуратному», чтобы и тот смог прочесть инструкцию на экранчике.

— Слушай, парень, а ты у психиатра никогда не наблюдался? — хмыкнул один из близнецов.

«У психиатра... У этого небритого алкоголика, который сам страдает целым букетом болезней, навязчивых состояний и неврозов. Наблюдался. Вернее, Люська «наблюдала». Привела, даже документы оформила. Лечите, мол, дорогие доктора, моего муженька от того, чем он не болеет. Ну, постучали они молоточком, картинки показали, вопросы задали — такие же вот, как сейчас, глупые — да и отпустили. С главным психиатром даже выпили напоследок. Он тогда расчувствовался, обнял и напутствие сказал: «Все бы, — сказал, — Федор, были такими психами, как ты, жили бы люди, словно в раю...»

Третий агент оторвал взгляд от экранчика в часах «важного» и тяжело вздохнул. Словно бы услышал мысли Федора, и они оказались ему чрезвычайно близки.

— Наблюдался. Жена настояла. Выпустили без диагноза.

— Это они поспешили, — заметил второй «близнец».

Федор медленно перевел взгляд на агента, и тут до него дошло, что «братья» на самом деле непохожи. Совсем непохожи.

— Ну что же, гражданин Пустотелов, — вмешался «важный», спрятав экранчик под белоснежной манжетой рубашки, а для верности еще и одернув рукав пиджака. — Как говорится, пройдемте.

«Пройдемте так пройдемте. Ничто не мешает. Ноги пока ходят. Было бы интересно, спросил бы — куда и зачем, да только ведь не интересно. Есть, конечно, вялая надежда, что за чем-то необычным и не куда-то в еще более глубокий подвал, а в приличное заведение, но искренне надеяться на это глупо. Чудес не бывает...»

— Не волнуйся, Федя, я Людмиле скажу, — трагически-участливые нотки в голосе Поликарпова звучали фальшиво. — Господа агенты, вы про Кувалду не забыли?

— Слушай меня внимательно, — «важный» агент ухватил кабатчика за шиворот. — Ты никого не видел, и куда делся Пустотелов, не знаешь. Понял?

— Понял, — поспешно кивнул Поликарпов. — А Кувалда?

— Заберем, — агент поморщился. — Свободен.

— Федя! — вопль был такой силы, что перекрыл все прочие звуки на площади. Орала Люська. Видимо, уловив каким-то женским чутьем недоброе, она пошла по следам мужа. Ее монументальный силуэт маячил в глубине тоннеля-проспекта метрах в ста от площади. Бежала Люська, несмотря на вес, довольно резво, а в руках у нее матово поблескивало нечто круглое и металлическое. Скорее всего, сковородка.

— Быстро! — скомандовал «важный». — Пивцов, Воткин — налево! Вернетесь в кабак и арестуете Кувалду. Совковский, Пустотелов — к эскалатору!

Федор уже давно разучился спешить и убежать, тем более от Люськи, даже вооруженной, но сейчас освежить память по этой теме ему помогли два весомых удара в область почек. Он споткнулся на ровном месте, упал на четвереньки, затем поднялся и побежал, стараясь не отставать от первого агента, дабы не получить «добавки» от второго, бегущего позади.

Почему надо было бить, а не просто подтолкнуть, Пустотелов спрашивать не стал. Хотя это его и заинтересовало. Впервые за последние два года.

ГЛАВА 4

В приличное заведение Пустотелова не повели. После недолгого марша под пронзительно синим небом агенты впихнули его в какой-то банк или кассу, затем провели по коридору, спустились вместе с Федором на лифте вниз и, наконец, сдали рослому охраннику в военной форме. Тот, даже не взглянув на Пустотелова, отпер железную дверь с «глазком» и приглашающе мотнул головой. Федор сразу заметил, что «глазок» в двери установлен так, чтобы смотреть не наружу, а внутрь комнаты, но этот факт не возбудил в нем никакого любопытства. Он равнодушно шагнул через порог и оказался в тесной тюремной камере.

В душном помещении стояли двенадцать коек, на которые претендовали около сорока человек. Федор оказался как раз «около» сороковым или сорок первым. Он окинул взглядом скромное убранство нового пристанища и поискал, куда бы сесть.

— А нету местов! — прямо перед Пустотеловым вырос кривляющийся тип с черными зубами и хитрющими бегающими глазками. — Тебе, баклан, два выхода: либо прямо у порога жопу прижать, либо сразу повеситься!

— Барыга, сдай назад, не в крытой, — пробасил кто-то с дальней койки. — Видишь, какие тут все. Они твоей лохматости все одно не просекут и не оценят.

Чернозубый Барыга опустил руки со спастически растопыренными пальцами и разочарованно сплюнул на ботинок Федору.

— Еще один кролик замороженный? Слышь, Хан, этот тоже тормозной! Лаблаторный подопытный.

— Пирацетам, — сказал Федор, усаживаясь спиной к стене.

— Чего? — не понял Барыга. — Э-э, ты куда уселся? А у Хана разрешения спросить?! Это, может, его любимое место?! И чего ты там вякнул? Сматерился по-новому, что ли?

— Лекарство так называется, — неторопливо пояснил Федор. — Если у тебя пальцы после инсульта скрючило, оно поможет. Я в психушке слышал. Запомнил на всякий случай.

— Чего-о?! — Барыга вскинул руки, но тут его взгляд уперся в собственные особым образом растопыренные пальцы.

— Назад! — окрикнул его Хан. — Больше повторять не буду.

— Не, ну, Хан, он же, падла, меня поимел!

Вместо ответа Хан приподнялся на локте и поманил Барыгу мизинцем. Тот ссутулился и покорно подошел.

— На колени, — негромко приказал авторитет.

Барыга рухнул с громким костлявым стуком. Почти сразу же за стуком коленей по бетону раздался глухой удар и хруст. Барыга опрокинулся навзничь и закатил глаза. Из его разбитого носа потекли две красные струйки.

— И ты сюда иди, — приказал Хан Федору.

Пустотелов медленно поднялся и подошел к койке. Хан был крупным и сильным. Это было видно отчетливо, хотя он и полулежал.

— На колени, — приказал громила.

Федор принял указанное положение и закрыл глаза. За последний час его били уже второй раз. Получалось — чаще, чем дома. Там Люська пускала в ход сковороду или швабру раз в неделю, и не всегда попадала.

Удар был тяжелый. Хороший удар, акцентированный, как говорят боксеры. И это при том условии, что Хан лежал. А если бы он встал? Но, в отличие от Барыги, Федор не упал. Не потому, что хотел показаться сильным, а просто так получилось. Но кровь из носа у него потекла теми же двумя ручьями.

— Это тебе за то, что сел без разрешения, — пояснил Хан. — И Барыга схлопотал потому, что ослушался, а не потому, что я тебя защищаю, понял?

Федор кивнул. Понял он все и без пояснений. Еще когда вставал на колени. Или раньше. Не понимал он другого: зачем его сунули в эту камеру? Или наоборот, зачем сюда посадили этих уголовников. Все прочие обитатели показались Пустотелову вполне приличными людьми. Во всяком случае, никто из них не проявил в отношении новичка ни агрессивности, ни даже интереса. Без Хана и Барыги в камере была бы полная идиллия. Закрытое заседание всепланетного общества пофигистов.

— Вали в свой угол, — приказал Хан, — зомби мертвое.

Когда Федор добрался до угла, за дверью послышались шаги и негромкие голоса. Пару из них Пустотелов узнал. Это был голос Пивцова или Воткина и того «важного» агента, фамилии которого Федор пока не знал.

— Ну, а этого ты зачем сюда привел, брат Воткин?

— А куда? Полиции не сдашь. Он же ничего не сделал. Сидел, жрал, а мы его замели. То, что он бандит, без улик не докажешь. Любой адвокат нас в порошок сотрет за такие дела...

— Я требую адвоката! — пробасил кто-то еще.

Пустотелов немного поразмыслил и решил, что этот голос принадлежит Кувалде, самому жестокому костолому восточного подземелья.

— Там адвокат, — с досадой ответил «важный». — Вместе с секретарем. На нижних нарах парятся.

Дверь открылась, и в камеру вошел Кувалда. Его появление, как и появление Федора, вызвало интерес только у Барыги. Он утер рукавом кровавые сопли и вышел «на разведку».

— Полная хата, — неуверенно пробормотал он, глядя на заслонившую дверь груды мышц, — нету местов.

Кувалда шагнул ему навстречу и неуловимым движением левой руки схватил Барыгу за шею. Сделав еще шаг, он качнул «адвокатского секретаря» назад, а затем резко дернул на себя и чуть в сторону. Барыга описал в воздухе дугу и врезался лицом в железную дверь. Пока он сползал на пол, Кувалда добрался до нар. Не сразу оценивший обстановку Хан попытался вскочить, чтобы предстать перед Кувалдой во весь рост, но костолом его опередил. Он звучно хрястнул Хана в подбородок, и тот обмяк.

— Так и лежи, — буркнул Кувалда, осматривая нары, — фраер.

Видимо, с его точки зрения, Хан выбрал не лучшее место. Кувалда облюбовал койку Барыги, у противоположной стены под окном.

— Ну, чего, лохи, попали? — новый хозяин камеры оскалился. — Статью-то уже заучили?

Ответом ему было гробовое молчание. Ни один из «плохов» не только не ответил, но даже и не повел ухом. Словно не было рядом грозного Кувалды, за пару секунд расправившегося с двумя уголовниками.

— Вы че, немые все? Ты! Федька! Я ж знаю, ты-то не глухой. Чего молчишь?

Пустотелов поднял на Кувалду безучастный взгляд и спустя примерно полминуты пожал плечами.

— Ну, ты и тормоз! — искренне восхитился бандит. — За че тебя замели? Стоял в неположном месте на зеленый свет?

Кувалда рассмеялся над своей изящной шуткой, но очень скоро оборвал смех. В гулкой тишине камеры без поддержки остальных он звучал неестественно...

...Примерно через час, когда агенты пришли, чтобы увести на обследование первую партию кандидатов в спасители человечества, Кувалду уже била нервная дрожь.

— Гражданин начальник, — взмолился он, завидев Щеткина, — богом и душой-матерью молю, переведите меня в другую камеру!

— Что это вдруг? — удивился агент. — Компания не устраивает?

— Это ж морг какой-то! — взвыл Кувалда. — Они все как роботы обесточенные! Я же с ума сойду!

— А что говорит твой адвокат?

— Да он... головой мается. Мигрень у него. На погоду.

— А секретарь? — Щеткин рассмеялся.

— И у него, — Кувалда спрятал за спину кулаки. — Сочувственные боли.

— Грамотный, — агент покачал головой. — Ничего, потерпишь. Скоро втроем тут останетесь... Задержанные, подъем! На выход. Кроме Кувалды, Хана и сявки. Пустотелов — первый. Остальные за ним по одному. Шевелись!

— Гражданин начальник, возьмите меня в бригаду! — вдруг изменил требования Кувалда. — Я помогу за этими киборгами следить! А то они вон какие несамостоятельные, Федька уже нос успел расквасить.

— Что-то я тебя не пойму, бандюган, — Щеткин хитро прищурился. — То ты от них в другую камеру просишься, то, наоборот, молочным папой им стать желаешь. Сориентировался по обстановке? Бежать надумал? Так ведь мы на секретной базе находимся, нет отсюда легкого выхода. А тяжелым даже с твоим здоровьем не воспользоваться. Видел охрану? Ты против них как щенок карликового пинчера против волков.

— Не, ну я же с понятием, — обиделся Кувалда. — Бежать от вас мне резона нету. Я потому и предлагаю в бригаду меня взять. Типа, отработать, чего я натворил.

— А чего ты натворил? — все так же хитро спросил агент.

— Ну, вам виднее, — Кувалда развел ручищами. — Небось за здорово живешь закрывать бы не стали.

— Ладно, я подумую, — Щеткин кивнул на койку, где «отдыхал» Хан. — Ты пока потренируйся.

* * *

В кабинете начальника секретной базы, временно занятом под президентские апартаменты, собрались только трое из тайной кризисной комиссии. Адмирал Труба и генерал Бубнов занимались негласной подготовкой к эвакуации.

— Что можно сделать за два часа? — профессор Лебедянко вздохнул. — Результаты обследования приблизительные. Из сорока кандидатов более-менее подходит лишь один, да и тот боится открытых пространств.

— Главное — не наоборот, — заметил Хорошеев. — В рубке «Криптона» пространство будет скорее замкнутое, чем открытое.

— А если он представит себе, какая бездна разверзлась за пределами корабля? — усомнился профессор.

— Для этого нужна фантазия.

— Берем что есть, — решил Президент. — Хорошеев, прикажите своим сотрудникам привести... э-э... пилота.

— Нет, так нельзя! — запротестовал Лебедянко. — Его следует подготовить. Дать ему время осмыслить ситуацию. Не забывайте, что он неспособен принимать мгновенные решения.

— Потеряем время, — возразил Президент.

— На подготовку уйдет не больше часа, — заверил профессор.

— А это не будет ошибкой? — задумчиво поинтересовался Хорошеев. — Если он откажется, за час его не переубедить. Быть может, лучше засунуть его в рубку «Криптона» в полном неведении, задраить все люки, а уж после объяснить что к чему?

— Это неэтично! — возмутился Лебедянко.

— О чем вы, профессор? — службист усмехнулся. — На карту поставлено существование Планеты. Какая тут этика?

— Нет, — вмешался Президент. — Пожалуй, Лебедянко прав. Если этот парень откажется жать на педаль, уже сидя в рубке корабля, мы ничего не сумеем исправить. Дело не в этике, но взойти на мостик «Криптона» пилот должен добровольно. У вас, профессор, самый располагающий вид. Вы расскажете пилоту о задаче, а через час мы соберемся на совещание в полном составе и с его участием.

* * *

— Ё-мое! — увидев, что в камеру вернулся только Федор, воскликнул Кувалда. — А остальных чего, уже почикали? Федька, что за опыты на вас ставили?

Опыты... После финального разговора с упитанным профессором астрофизики Федор ощущал неприятную пустоту в животе и головную боль. Хотя головная боль могла быть следствием зуботычины от Хана. Остальных, наверное, просто отпустили на все четыре стороны. А его, Федора Пустотелова, слесаря-наладчика причальных систем космопорта, оставили, поскольку он по каким-то там параметрам идеально подходил для выполнения вселенской миссии. Страшный сон. Даже больше — полный бред.

— Просто поговорили.

— И чего?

«И ничего... Теперь надо принять решение. Сложить, ради счастья Планеты, голову на переднем крае или равнодушно сгореть вместе со всеми. Сегодня или через месяц. В принципе, вопрос дерьмо. Раз уж не судьба дожить до старости, какая разница, когда погибать? Плевать на сроки. С другой стороны, какое мне дело до человечества? Рано или поздно оно все равно себя угробит. Выкачают из Планеты все ресурсы — и с концами. Термоядерные реакторы, чтобы на воде работали, так и не построили, нефть с углем как добывали, так и добывают, магнитные аномалии выкапывают, ну, и другие всякие жилы разрабатывают, а природа пустоты не терпит — на место добытых ископаемых во все полости магма просачивается. Кору планетную и океаны нагревает. И магнитное поле без аномалий от привычных ориентиров отклоняется, радиацию космическую пропускает. Оттого и климат теплеет, а от потепления всякие ураганы, наводнения и тайфуны. А там, откуда они влагу уносят, — жара, леса горят, дыму, аж не продохнуть. А еще химзаводы химчат, атомные станции нет-нет да взрываются, заводы и фабрики отходы куда попало сваливают, природу губят, пустыню расширяют. Так и катится мир этот дурной в пропасть. Зачем его спасать? Чтобы помер не сегодня, а через сто лет? И какая разница? Может, лучше сразу, без агонии?»

— Чего, чего... Ничего особенного. Поработать предложили. Смертником.

— Круто, — слегка обалдел Кувалда. — И сколько дают?

«Сколько дают... Нисколько. Если б деньги стали предлагать, отказался бы сразу. Дело ведь не в них. Не станет с ними интереснее жить. Богатые скучают ничуть не меньше, чем босыки. Человеку занятие требуется достойное, а не деньги. Они всего лишь один из видов коммуникации. Как речь, письменность или жесты. Вот если людям незачем будет общаться, тогда и деньги исчезнут. Когда, например, всем станет плевать друг на друга, на развлечения, на удобства, на выпивку и закуску. А пока есть хоть какие-то запросы, будет и потребность в деньгах».

— Сухой паек.

— В смысле? — Кувалда растерялся. — Квоту на поставки в армию продовольствия, что ли? Я не понял, ты в бизнесмены записался? А почему — смертником? Это не смертельно. Поделишься с кем надо и жируй себе. Хочешь, я твоей крышей буду.

«Нет у этого Кувалды мозгов. Крыша для смертника. Идиот. От кого прятаться под такой крышей? Поставки продовольствия... Вот, кстати, перекусить бы не мешало. Десять уже. Люська на ужин, наверное, макароны сварила».

— Сухой паек в прямом смысле. А больше никакой оплаты. Кувалда, мне час дали на размышление. Отстань.

— Час? Да ты за это время только полмысли и успеешь подумать, — костолом рассмеялся. — Ты вот что, Федор, пошли их подальше. Забесплатно даже роботы не вкальвают. Тем более если действительно опасное дело.

«Вот именно... Роботы. Чем отличаются люди от роботов? Тем, что могут забесплатно поступить так, как подсказывает совесть. А она такая штука, которую никаким амперметром не измеришь. Она не какая-то там электрическая активность. У нее свои законы, и к физике они отношения не имеют. Нет, я не претендую на звание самого совестливого человека Планеты, но вдруг в этом есть смысл? Хотя бы в этом. Не может же быть, чтобы в спасении такого огромного и сложного мира не было хоть малейшего смысла. А значит, появится он и в моей жизни. Вернее — в смерти. Но ведь так всегда и бывает. Был ли смысл в жизни человека, можно понять только, когда он умрет. Осталась о нем память — был. Не осталось памяти — не было, напрасно рождался, жил и старался прилично выглядеть...»

— Кувалда, ты зачем живешь?

— Я? — бандит округлил глаза и почесал в затылке. — Да ну тебя! Мыслитель хренов! Нашел чем голову надувать. Давай лучше подумаем, как отсюда свалить, пока нас тоже на опыты не увели. Мне в бесплатные смертники неохота... Эй, урки, разрешаю шевелиться!

— Тут четыре уровня автоматической охраны и три кордона, — ожил Хан. — Мы с Барыгой хотели кассу подломить, думали, тут филиал банка, а оказалось — база секретная.

— Щеглы, — оценил Кувалда. — Без подготовки, что ли, вломились? Гастролеры безбашенные. Ну, и как вас вели?

— Сначала по коридору, потом в лифт зачихнули, на пять этажей вниз, потом опять коридор и прямо сюда. Четыре силовых отсека было. Две наверху, две внизу. И солдаты. Два поста внизу, один в кассе этой фальшивой.

— Федор, а тебя как доставили? Поверху или прямо из подвала?

Поверху... Об этом кошмарном моменте Пустотелову вспоминать не хотелось. Пронзительно голубое небо, пьянящий сильнее спирта воздух, слепящее до слез солнце и толпы сытых, чистых и улыбающихся горожан. Повсюду громкие звуки, сверкающие полировкой машины, зеркальные витрины, яркие вывески, музыка, рекламные ролики видеосистем и выкрикивающие бесконечные лозунги зазывалы: «Только самое лучшее! Насыщенный вкус! Стихия страсти! Ничего лишнего! Воплощение мечты!...» Гигантский разноцветный водоворот, сверкающая воронка чужой, странной жизни. Той самой, которую должен спасти добровольный узник подземелья Федор Пустотелов...

— Поверху. Так же, как этих. Я останусь, Кувалда. Я решил.

— Ты чего, самоубийца?! — ужаснулся бандит. — Не-е, Федька, я тебя вытащу. Ты меня потом еще благодарить будешь... Значит, так, бакланы, я пойду паровозом. Хан, держишь тыл. Барыга — посередине, тащишь этого тормоза.

— На себе, что ли? — Барыга скривился, но распухший нос и шишка на лбу не позволили включить мимику на полную мощность.

— Надо будет, потащишь на себе, — отрезал Кувалда. — Да только он сопротивляться не станет. Верно, Федя?

Бандит выразительно вытаращил глаза и почесал кулак.

Федору при виде кулака снова стало на все плевать. Подвиг во имя человечества срывался по привычной, банальной причине. По причине того, что это там, наверху, все пока еще сияло благополучием и дышало свежим воздухом. А уровнем ниже, среди тоннелей метро, торговых площадей и в лабиринтах «спальных пещер», текла совсем другая жизнь. Жизнь, которой управляли не промышленники, политики и аккуратные агенты ПСБ, а такие, как Кувалда. С молчаливого согласия политиков, промышленников и агентов. Зачем Кувалде понадобилось спасать Федора, догадался бы и ребенок. Конечно, если он вырос в подземелье. Естественно, не из сочувствия или подвальной солидарности. Поспешность, с которой проводилась «зачистка», и высокое положение мелькающих за кулисами фигур сулили хороший куш. Им позарез нужен Пустотелов, но деньги он не возьмет. Они это прекрасно понимают, а потому ничего и не предлагают. Но альтруизм Федора не означает, что деньги не нужны другим заинтересованным лицам. Хотя бы за молчание. Ведь любая секретная операция связана с какой-то тайной. А тем же журналистам только дай зацепку, раскрутят любую тайну. Раз правительство хочет, чтобы все было шито-крыто, но не желает платить Пустотелову, оно заплатит его «крыше». Которая умыкнет Федора в самый неподходящий момент — когда правительство уже открыло карты, — а после сделает вид, что в курсе темы соглашения. Так что платежей будет два: сначала за возвращение Федора, после — за

молчание «крыши». Пустотелов не сомневался, что ход бандитских мыслей был именно таким.

ГЛАВА 5

Сигнал тревоги раздался, когда агенты Щеткин и Совковский вошли в коридор тюремного блока. Им и без громких намеков сигнализации было понятно, что у двери в камеру что-то происходит. Первым добежал Совковский. Остановившись, он почесал стволом пистолета макушку и растерянно обернулся к Щеткину.

— Дела-а...

Щеткин раздвинул сгрудившихся охранников и протиснулся непосредственно к месту происшествия. На пороге камеры сидел оглушенный солдат, а у его ног лицом вниз растянулся грузный Хан. «Секретарь адвоката» Барыга улегся навзничь поперек опрокинутой койки. Посередине камеры, в луже темной крови, лежал лишившийся половины черепа Кувалда. Громила был, несомненно, мертв, но при этом шевелился, будто боролся с кем-то в партере.

— Что тут... произошло? — агент подошел к телу Кувалды и, присев, зачем-то потормошил его за плечо.

— Сержант Борисов открыл камеру, чтобы вывести Пустотелова, — ответил солдат с активированной винтовкой в руках, — а этот... Хан ему ка-ак звезданет...

— Этот, что ли, Борисов? — Щеткин кивнул на нокаутированного охранника. — Ты ружьишко-то выключи.

— Он... — солдат щелкнул предохранителем. — А потом Хан на меня попер. Ну я и выстрелил.

— А остальных зачем положил? — Щеткин покачал головой.

— Так ведь они тоже ломанулись!

— Федор, ты там живой? — агент потерял интерес к охраннику и снова склонился над телом Кувалды, украдкой косясь на свое запястье.

«Живой... Конечно, живой, раз шевелюсь. Нашел что спросить. Только задохнусь скоро под такой тушей. Что он ел? Луком воняет, как из помойки... До лампочки, конечно, только и так дышать нечем, а тут еще лук... Бандит, он и есть бандит. Теперь уж точно без мозгов. Не фигурально. А этот агент... Вопросы задает. Лучше бы помог...»

— Живой, — прочитав текст на экране мыслеграфа, вывел Щеткин. — А ну, военные, переверните тело.

Охранники торопливо столкнули останки Кувалды с трепыхающегося Пустотелова. Присоединившийся к коллеге Совковский облегченно вздохнул.

— Повезло.

— Кому? — задумчиво спросил Щеткин. — Заметил, как лежал Кувалда?

— Тихо.

— Неумно шутить гораздо легче, чем думать, — с осуждением произнес напарник. — Он лежал на Федоре, лицом вниз и ногами к двери.

— Ну и что?

— А то, что если они все «ломанулись» на выход, он должен был упасть либо на спину, либо не ногами к двери, а головой, — Щеткин покосился на охранников. — Эй, воин, а кто тебе разрешил открыть камеру?

— Агенты... — солдат удивленно оглянулся. — Где же они? Здесь были.

— Какие агенты, как фамилии? Да не верти ты головой!

— Да вот только что здесь были! — воин растерянно развел руками. — Я не знаю, как фамилии, но одеты, как вы, и значки у них...

— А выглядели как?
— Я же говорю, как вы.
— Я о лицах спрашиваю.
— Так... простите, господин агент, но в этих костюмах...
— Понятно. Мы для тебя как китайцы — на одно лицо, — Щеткин вздохнул. —

Военные! Выше погон взгляд не поднимается.

— Странное дело, — негромко буркнул Совковский. — Жареным пахнет.
— Верно, — так же тихо согласился Щеткин. — Федор, ты как? Встать сможешь?
«Сердобольный какой...» Пустотелов недовольно фыркнул и медленно поднялся.

В общем-то, все было на месте — и руки, и ноги. На затылке надувалась шишка, а в голове гудело — результат того, что Кувалда припечатал Федора всей своей массой к бетону, — но особых неудобств это не доставляло.

— Попить бы и умыться.

Он размазал по бледному лицу капли чужой крови. Было видно, что прежде всего Федору хочется поплевать. Каким бы пофигистом он себя ни считал, а лежать в луже крови в обнимку с обезглавленным трупом ему было поперек желудка.

— Идем, — Щеткин взял его под локоть и вывел из камеры.

Совковский двинулся следом, при этом внимательно следя за охранниками. Те выпустили троицу без возражений, но словно бы нехотя. Лишь оказавшись на командном уровне базы, где дежурили агенты ПСБ, Щеткин и Совковский расслабились.

— Не нравится мне это, — Щеткин утер испарину. — Странные какие-то эти военные. Не забудь, как освободимся, надо узнать, какое подразделение внизу службу несет.

— Не забуду, — пообещал Совковский, тоже смахивая пару капель пота. — Слушай, а что ты про Кувалду говорил? Ногами, головой... какая разница?

— Позже, — пообещал напарник. — Добрались уже... Федор, пять минут тебе: поплевать, умыться и прийти в себя. Понял?

«Понял, не понял... Что за дурацкая привычка спрашивать — «понял»? Вот и Люська так же. Смотрит в глаза с полутора метров, говорит что-нибудь, а потом переспрашивает — ты меня слышишь? Или — ты меня понял? Конечно, слышу, конечно, понял. Куда денешься? С такой-то дистанции. Ведь, если не слышишь или не понимаешь, можно и сковородкой по лбу получить. Не страшно, конечно, однако здоровье не казенное... Муторно-то как. Хотя удобно: ни два пальца в глотку совать не обязательно, ни о Люське думать, и без того стошнит...»

Пустотелов толкнул дверь в сортир и не спеша проследовал в кабинку. Агенты расположились у входа. Когда Федор приобнял унитаз, Щеткин выключил экран мыслеграфа и покачал головой. Непробиваемая философия Федора ему уже почти нравилась.

* * *

— Агенты? — глава ПСБ задумчиво взглянул на Щеткина. — Хотели забрать Пустотелова, а получилось усмирение мини-бунта? Неприятный инцидент.

— Стреляли охранники, — напомнил агент. — Агенты только хотели забрать Федора, ведь час на размышление истек.

— Но Пустотелов был закреплен за вами, — Хорошеев покосился на стоящих поодаль Бубнова, Лебедянку и Трубу. — А может быть, не было никаких агентов?

— Зачем солдатам вмешиваться в ход операции? — удивился Щеткин.

— Вот и я думаю — зачем? — директор безопасности похлопал агента по плечу. — Правильно сделал, что доложил. Я поразмыслю. А ты пока проследи, чтобы Пустотелов благополучно сел в буксир.

Федор стоял у края посадочной площадки. Его уже нарядили в белоснежный кургузый скафандр, и двое инженеров наперебой рассказывали ему, как проходить через стыковочный шлюз. Затем один куда-то улетучился, зато второй насел на Пустотелова с удвоенной силой. Щеткин встал в нескольких шагах слева от новообращенного космонавта. Справа на том же расстоянии обосновался настороженный Совковский. Щеткин этого не хотел, но рука сама скользнула за пазуху и включила прибор. Агент поймал себя на мысли, что Федор становится ему интересен не как подопечный, а как довольно занятный субъект. Можно даже сказать, как личность. Интересен до такой степени, что Щеткин готов нарушить инструкцию и включить мыслеграф в присутствии государственных мужей и собственного начальства. Такая самостоятельность грозила не только отлучением от прибора, но и более крупными неприятностями, вплоть до отставки. И все же агент рискнул. Почему — ведала лишь профессиональная интуиция.

— Программа стыковки заложена в память кибернавигатора, — тараторил инженер. — Вам надо только проследить за точным выполнением машиной всех процедур. Сначала буксиры состыкуются с «Криптоном», затем разовьют нужную скорость и выведут его в заданную точку. Вы перейдете на крейсер, и буксиры посадят его на астероид. Кнопка включения тяги в рубке крейсера одна, не перепутаете. Когда топливо будет израсходовано, двигатели отключатся. Вы перейдете в тот же буксир, на котором прилетели, и перекачаете топливо из баков второго в баки первого. Окончание закачки послужит для автоматики сигналом к старту. Когда буксир вернется на орбиту Планеты, центр управления полетами проследит за посадкой. Вам не придется ничего делать.

«Тарахтит, как доисторический трактор. Брехун. Кнопка тяги, рубка крейсера, контроль посадки... Лебедянко ясно сказал — билет в один конец. Зачем все эти сказочки? Я же не боюсь. По барабану мне. Надо, значит, надо. Сдохнуть ради месяца светлого будущего для человечества. И ради одного шанса из тысячи... одного промилле... что астероид улетит совсем. Если не улетит, они, наверное, еще одного такого найдут. Или двух. И кроме «Криптона» еще «Неон» с «Аргоном» построят да запустят на орбиту. А что? Если одним можно сдвинуть, тремя точно получится отбуксировать куда подальше. Затраты, конечно, выше крыши, но такая игра не только свеч стоит. Шутка ли — целая Планета на кону...»

«Хорошо мыслит, — подумалось Щеткину. — Грамотно, хотя и чокнутый. Жаль, что не вернется. Интересно было бы с ним поговорить. Вернее, прочесть его невысказанные рассуждения».

— Прошу в буксир! — закончив инструктаж, провозгласил инженер. — И помните: в нем все автоматическое. Ничего не трогайте.

«Ладно. Не трону. Больно надо. Все равно ни уха, ни рыла в этой технике. Причальное оборудование еще куда ни шло. Знаю кое-что. А эти корыта... Я и раньше ими не интересовался, еще когда работал. А теперь мне и вовсе на них чихать. Что я — пацан, чтобы по любой железяке слюни пускать?»

— Ну и пилот у вас, — оборачиваясь к Совковскому, произнес инженер, когда за Федором закрылся люк. — Ни слова не сказал. То ли слышал инструктаж, то ли нет. Он, вообще, говорящий?

— Он зомби, — серьезно ответил Совковский. — В общем и целом преодолеть трупное очоление удалось, а вот с голосовыми связками вышла накладка. Но мозги у него только-только из холодильника, свежие. Так что инструкции ваши он услышал и запомнил, не волнуйтесь.

Инженер испуганно и недоверчиво улыбнулся, а затем перевел взгляд на Щеткина. Тот был даже серьезнее напарника. Многозначительно хмурясь, он похлопал инженера по плечу и приложил палец к губам.

— Сам понимаешь, тайная операция.

— Вы... — голос инженера дрогнул, — серьезно?

— Ну, а кто еще выдержит три часа в силовом поле Мерсье? — Щеткин опечалился. — Только зомби. А ты что, не заметил, какой он бледный?

— Да, да, — инженер закивал. — Нездоровый такой у него... цвет кожи.

— Так ведь труп, какое уж тут здоровье, — морально прикончил его специальный агент. — Ну, нам пора. Надо кое-кого пристрелить. Программа зомбирования пробуксовывать не должна.

— При... пристрелить? — инженер стал блее Федорова скафандра. — Кое-кого?

— Ага, — Щеткин многозначительно подмигнул и уже на ходу прицелился в него указательным пальцем. — До встречи.

Инженер покачнулся, но его походя поддержал Совковский.

* * *

— Двенадцать часов, полет нормальный, — бодро сообщил Лебедянку, вваливаясь в кабинет. — Доброе утро, господа.

— День уже, — пробурчал Труба. — Вы никогда не пробовали вставать с рассветом?

— А вы — ложиться?

— До точки стыковки остался один час полета, — с осуждением произнес Хорошеев. — Вас это не беспокоит?

— Нет, — профессор пожал плечами. — А должно?

— Мне казалось, вы более эмоциональный человек, — задумчиво пояснил глава ПСБ. — Откуда такая внезапная выдержка?

— Забавная формулировка — «внезапная выдержка», — Лебедянку усмехнулся. — Я человек эмоциональный, это верно, господин Хорошеев, но не суетливый. Автоматика буксиров работает отлично, а до точки назначения еще час, к чему создавать нервозность?

— Откуда мы будем наблюдать за процессом? — вмешался Труба.

— Я поднимусь на рабочий этаж, в центр управления полетом, а вы можете делать это прямо отсюда, — профессор указал на ряд мониторов. — В общем зале слишком много персонала и всего два кондиционера.

— Господа... — в комнате появился Президент в сопровождении генерала Бубнова. — Все в сборе... отлично. Господин Лебедянку, как идет операция?

— В точном соответствии плану, — профессор указал на мониторы. — Вот взгляните, на первом телеметрия. Астероид уже в фокусе навигационной системы буксира номер один. До посадки осталось сорок три минуты. На втором мониторе — видекартинка камер второго буксира. Видите темный контур? Так астероид выглядит для непосредственного наблюдателя.

— Для... пилота? — уточнил Президент.

— Да, — Лебедянку почему-то посмотрел на Хорошеева, но, наткнувшись на его изучающий взгляд, отвел глаза.

— А почему мы ни разу не связались с Пустотеловым? — директор ПСБ адресовал вопрос профессору.

— Во избежание нежелательных перехватов мы не стали добавлять к штатному оборудованию буксиров средства голосовой и видеосвязи, — ответил Лебедянку. — Ведь в

пространстве находится довольно много корпоративных и частных кораблей, а они ничего не должны знать. Мы же обсудили это еще на первом совещании. Или нет?

— Значит, сам «Криптон» в сцепке с двумя буксирами пусть видят, а перехват — ни-ни? — удивился Хорошеев. — А может, вы просто не додумались? Гении.

— В такой-то спешке, — вступился за профессора Думский. — Это, конечно, просчет, но понять его можно. К тому же до определенного момента пилот ничего не решает и связь с ним действительно ни к чему.

— На третьем мониторе показатели его жизнесистемы, — словно исправляя оплошность, спохватился Лебедяно. — Как видите, все медицинские параметры в норме. Пустотелов жив и здоров.

— А что это за текст? — заинтересовался Президент.

— Это наше нововведение, нечто вроде «черного ящика», только на высшем уровне, — похвастался Лебедяно. — В комплект штатного оборудования входит мыслеграф. Все, о чем думает пилот, фиксируется и передается в центр управления полетом. Так мы сможем реагировать на нештатную ситуацию быстрее, чем при обычной связи.

— А пилот об этой подстраховке знает?

— Судя по тексту — нет, — заметил Хорошеев. — И, опять же, судя по тексту, вы напрасно пренебрегли традиционной системой связи. Мне кажется, наш герой заблудился в трех соснах.

«Урод этот инженер, — меланхолично размышлял Федор. — Все рассказал, а о главном — ни слова. Первый буксир, второй буксир. А какой из них какой? Я в каком был и куда вот сейчас перешел? Хоть бы краской цифры намалевали. А может, я в рубке этого «Метана», или как его... «Криптона»? Нет, в ней не должно быть приборов, а тут они есть. Но и в той кабине, откуда я пришел, тоже есть. И мигают они так же, теми же лампочками. Угораздило же потеряться. С другой стороны, как можно двенадцать часов в туалет не ходить? Я смертник, конечно, но ведь не мученик. Ищи теперь, откуда вышел и куда шел. Пункт А и пункт Б. С другой стороны, какая разница? Никакой. Но это если из кабины второго буксира тоже дверь в «Криптон» откроется. А если нет? Если, к примеру, она откроется из рубки первого, а я буду во втором. А время уйдет. Вот и отправится вся планетарная миссия коню под хвост...»

— Он что, не знает устройства скафандра? — удивился Труба. — Там же все предусмотрено. Зачем ему отдельный сортир?

— Инструктаж невнимательно слушал, — сквозь зубы процедил профессор. — Ну, Пустотелов, ну, идиот!

— Да и вы хороши, — Президент устало потер глаза. — Не могли действительно цифры нарисовать?

— Кто же знал? Ему ясно сказали — сидеть на месте!

— Ему сказали ничего не трогать, — возразил Хорошеев. — А двери в рубку «Криптона» и в самом деле открываются только из одного буксира?

— Из обоих, — заверил Лебедяно.

— Что же вы нервничаете? — директор ПСБ с подозрением прищурился.

— Я спокоен, — профессор высокомерно скривился. — Господин Президент, разрешите мне проверить, как там дела у диспетчеров. Раз придется открыть оба перехода в «Криптон», следует внести изменения в полетный план. Это не коррекция курса, конечно, но все равно...

— Идите, — отпустил его Думский.

— Все у этих ученых через жопу, — заявил адмирал Труба. — Я вам когда еще говорил, господин главком, отдайте проект «Криптон» флоту! Уж мои бы специалисты все детали учли и пилота натаскали так, что он даже дышал бы по счету с Планеты!

— Поздно, — Президент нервно потер ладони и кивнул на центральный монитор. — Странно... почему это астероид так развернулся?

— Это не астероид развернулся, — пояснил Труба как наиболее искушенный в телеметрии космических маневров, — это «Криптон» заходит на посадку.

ГЛАВА 6

«Вся жизнь дерьмо, и люди в ней микробы, — Федор меланхолично покачивался в кресле, закинув ноги на пульт. — Но когда Вселенная дернула за рычаг смывного бачка, микробы вдруг возомнили, что смогут остановить поток воды, и выслали ему навстречу обрывок туалетной бумаги... До стыковки с астероидом пять минут. Затем должен будет послышаться звук открывающихся люков и внутреннее пространство буксиров объединится с рубкой «Криптона». Я перейду на этот вонючий суперкрейсер, нажму кнопку и стану Неизвестным героем — спасителем сортира. Полный абзац. Зачем подписался? Чего не жилось? Острых ощущений захотелось? Так ведь плевать на них. Тем более не такие уж они острые. Сидишь, как в консервной банке, даже иллюминатора нет, чтобы на астероид этот долбаный посмотреть. Как шестеренка в механизме: провернулся в нужный момент — и прощай, ты свое отработал, отправляйся в утиль...»

— Молодец Пустотелов, — одобрил Президент, глядя на украденные мыслеграфом Федоровы раздумья. — В таком напряжении да еще под воздействием поля, а как трезво мыслит!

— Пока двигатели Мерсье не включены, никакого поля нет, — возразил Хорошеев, — но выдержка у пилота приличная. Это бесспорно.

— Так можно было любого психа транквилизаторами накачать да и запустить, — пробурчал Труба. — Эффект был бы тот же, а может, и лу...

Фразу он не закончил, поскольку из скрытых где-то под потолком динамиков раздался сигнал тревоги, а секундой позже оттуда донесся взволнованный голос Лебедянка:

— Господин Президент! Виртуальное нападение! Нашу систему пытаются взломать!

— Ну и что? — не понял Думский.

— Как что?! Мы же работаем! Мы ведем «Криптон»! Кто-то, видимо, узнал о нашей операции и решил подсмотреть! Кажется, они повредили систему контроля буксиров! Это может привести к ужасным последствиям! Буксиры могут автоматически отстыковаться от «Криптона» в любую секунду! И тогда он не сядет ни на какой астероид!

— Успокойтесь! — потребовал Президент. — Выясните, что повреждено, пока еще не поздно, а хакерами займется технический отдел ПСБ.

Он обернулся к Хорошееву, но тот уже и сам сообразил, что требуется предпринять, и раздавал какие-то указания по видеофону.

— Ё-е... — вдруг протянул Труба. — Видать, поздно.

Все члены кризисной комиссии уставились на мониторы. То, что там отражалось, не имело никакого разумного объяснения. Приборы показывали, что двигатели «Криптона» ожили и начали разгон! И это притом, что буксиры еще не посадили крейсер на астероид. Они даже не открыли шлюзы, чтобы Федор перешел из рубки одного из них на мостик корабля. Однако наиболее странным выглядел пустой экран номер два. Тот самый, на котором минуту назад прорисовывались отчетливые контуры астероида...

— Чего-то я не пойму, — угрожающе произнес Труба. — Где кирпич? И кто врубил двигатели? Ведь пилот все еще в буксире? Господин Президент, как это понять?

— Может быть, сбой в компьютере так подействовал? — неуверенно ответил Думский. — Лебедянко! Профессор, вы на связи?

Ответа не последовало. Вместо него пол и стены ощутимо вздрогнули и где-то наверху, там, где располагался центр управления полетом, прогремел долгий, раскатистый взрыв.

— Полундра! — заорал адмирал. — Диверсия! Свистать всех наверх!

— Тише вы! — осадил его Хорошеев. — Оглушите. Сейчас все выясним.

Он снова поколдовал над видеофоном и принял какой-то рапорт.

— А с буксиров телеметрия идет, — пока отвлекся директор ПСБ, заметил генерал Бубнов. — Во-от почему астероида не было видно! Они разворачиваются. Теперь их камеры смотрят назад.

— Они не должны разворачиваться! — удивленно воскликнул Президент. — Этого не было в их программе! Они должны были посадить «Криптон» и остаться с ним на астероиде!

— Значит, пилот их развернул, — решил Бубнов.

— Пустотелов? Он же слесарь! Как он мог их перепрограммировать?!

Все разом взглянули на третий монитор, но он был тоже пуст. Ни медицинских показателей, ни строчек пустотеловских мыслей на нем не отображалось.

— Может, крейсер того... — осторожно предположил Бубнов. — Взорвался. Если он развил тягу, то должен был воткнуться прямо в «кирпич». Буксиры же прямым ходом к астероиду его вели, а поворотных механизмов у него нет.

— Тогда взорвались бы и буксиры, — возразил Думский. — А они целехоньки, только развернулись обратно.

— Ну, я и говорю, — развил свою мысль генерал. — Буксиры отстыковались, а «Криптон» автоматически и рванул. Да прямо в астероид.

— Но ведь Пустотелов сидел в рубке первого... или второго буксира! Он не успел перейти на крейсер. Как мог «Криптон» рвануть без пилота?! И где взрыв, если он врезался?

— Господин Президент прав, в случае взрыва буксиры все равно сгорели бы вместе с крейсером, — задумчиво произнес директор ПСБ. — Слишком близко находились. Так что никакого взрыва не было. Корабль мирно распрощался с провожатыми и ушел в точку.

— Я тогда совсем ничего не понимаю, — признался Бубнов. — «Криптон» что, сквозь астероид пролетел? Беспрепятственно?

— А если никакого астероида не было?

Вопрос задал Хорошеев. Президент и военачальники одновременно обернулись к главе ПСБ. Их лица выражали крайнее недоумение.

— Почему не было?! — возмутился Труба. — Как это не было?

— Куда же, в таком случае, он делся? — Хорошеев внимательно взглянул на адмирала. — Взрыва мы не видели, но ни крейсера, ни астероида не наблюдаем. Что это за космическая мистика?

В этот момент двери открылись и в комнату вошли двое агентов безопасности. В руках они держали активированные излучатели.

— Зачем же мы послали «Криптон»? — Труба угрюмо взглянул на агентов.

— Вот и я задаю себе такой вопрос, — Хорошеев перевел взгляд на Президента. — Мне только что доложили, господин Президент... Центр управления полетом разрушен мощным взрывом. Профессор Лебедянко погиб на месте, остальные ученые и диспетчеры получили травмы различной степени тяжести. Все данные за два года наблюдений, все аналитические сводки, записи и прочие документы по теме астероида уничтожены. Очень похоже, что кто-то попытался убрать тех, кто слишком много знает, а также сжечь всю информацию и тем самым замести следы.

— Что вы такое говорите?! — Думский вскочил, но побледнел и рухнул обратно в кресло. — Это немыслимо! На каком основании... Это же...

— Это заговор, господин Президент, — уверенно заявил Хорошеев. — Я давно подозревал, что дело нечисто, но все концы сошлись только сейчас. Смертельная угроза Планете была вымышленной. Поиски подходящего пилота, нападение хакеров и сбой в программе были придуманы для отвода глаз. Кто-то проник на крейсер еще до его стыковки с буксирами, прямо на верфях. Вот почему он стартовал раньше времени. А когда цель заговора была достигнута, лишние фигуры были сметены с игрового поля одним мощным взрывом. На основании результатов предварительного расследования я смею утверждать, что профессор Лебедянко осуществлял планетарный этап заговора — водил всех нас за нос при помощи детской страшилки про астероид, который можно оттолкнуть исключительно «Криптоном». А его подельники тем временем готовили похищение века. Такой вот нехитрый трюк. Нас подвела любовь к дворцовым тайнам и никчемной секретности. На это и сыграли Лебедянко и его компаньоны. Правда, компаньоны профессора, в конце концов, надули и его. Они оказались гораздо коварнее, чем он предполагал. Осуществив космический этап — угон крейсера, — они, чтобы не делиться, расправились с астрофизиком.

— У нас сперли «Криптон»?! — дошло до Бубнова. — Какие-то компаньоны профессора!

— Вот именно, — подтвердил Хорошеев.

— Но кто конкретно это сделал?! — теперь уже возмутился Думский. — И зачем?!

— Это следует спросить у тех, кто был в курсе операции изначально, — Хорошеев указал на Трубу. — Крейсер строился на верфях флота. Так, адмирал?

— Это устаревшие вспомогательные верфи, — прорычал Труба. — Их давно уже передали ученым! Я всего лишь получал рапорты о ходе работ!

— Слабая отговорка, — директор ПСБ махнул рукой и взглянул на Думского. — Я прошу вашего разрешения, господин Президент, задержать адмирала до выяснения всех обстоятельств дела.

— Как-то это не очень... — засомневался Думский.

— Пока все факты говорят против него и... Лебедянко. Но профессора обвинять поздно, а господин Труба, оставаясь на свободе, вполне может скрыться. Вы же видите, как отлично была подготовлена эта диверсионная операция. Едва «Криптон», незаметно для планетарных служб наблюдения, расстыковался с буксирами и стартовал в неизвестном направлении, злоумышленники, заметая следы, взорвали ЦУП. Чтобы повернуть такое дельце, требуется хорошая организованность и дисциплина. Военная. А еще лучше — флотская.

— Этого мало, — возразил Президент.

— вспомните, как тщательно была продумана широкомасштабная игра с якобы угрожающим Планете астероидом! Это самая грандиозная мистификация, с которой я сталкивался на своем веку. Были задействованы сотни человек и невероятные машинные мощности. Два года — как раз столько, сколько строился «Криптон», — все два года базы данных забивались дезинформацией. Сфабрикованные снимки и записи. Данные радионаблюдения, в том числе со спутников и дальних космических станций, которые, заметьте, либо принадлежат космофлоту, либо как-то с ним связаны. Тысячи рапортов и докладов о необычных свойствах составляющего астероид вещества должны были заставить нас отказаться от термоядерной бомбардировки и склониться к использованию «Криптона». Конечно, как можно разрушить бумажно-виртуальную глыбу обычной боеголовкой?! Как

можно стрелять в миф?! В конце концов, была создана вполне реальная картина угрозы и сформировалась твердая убежденность — выжить нам поможет лишь секретный крейсер.

— Значит, все это время мы наблюдали киношные спецэффекты? — запоздало дошло до Бубнова. — А никакого «кирпича» не было. Была компьютерная графика и поддельные видеозаписи, как бы со спутников дальнего обнаружения. Потому и оптические телескопы астероид не видели, и не разрушить его было ничем.

— И связь в «Криптоне» не наладили, и нормальные системы управления не поставили, — добавил Хорошеев. — Чтобы в случае обнаружения обмана пилот буксира не смог позвать на помощь. Главное в крейсере были двигатели, а электронику можно смонтировать любую. Той комплектности, в которой корабль находится в данный момент, угонщикам оказалось вполне достаточно... Так что я утверждаю с полной уверенностью: все материалы по теме астероида — подделка, самая грандиозная мистификация в истории, а целью ее было похищение «Криптона»!

— Но зачем? — Президент изумленно взглянул на адмирала. — Труба, объясните, зачем вам понадобился крейсер?!

— Да кого вы слушаете?! — взорвался адмирал. — Этого ублюдочного фантазера! Этого недоделанного шпиона?! Крайнего нашли?! Не выйдет! Не угонял я ничего! Я вообще ни при чем! Подставка это! Клевета и ложь!

— При всем уважении... — Президент перевел взгляд на Хорошеева и кивнул.

Агенты тотчас заковали адмирала в наручники и вытолкали за дверь. Труба при этом страшно матерился и пытался лягнуть то одного, то другого конвоира. Когда дверь закрылась, в комнате на некоторое время воцарилась мертвая тишина.

— Хорошо хоть совсем не обделались — эвакуацию не начали, — наконец проронил Бубнов. — Вот было бы позору.

— Найти заговорщиков и вернуть крейсер! — Президент треснул ладонью по столу. — Один Труба с таким грандиозным заговором справиться не мог!

— Еще профессор, — напомнил Хорошеев.

— Пешка! — отрезал Думский. — За ними должен стоять кто-то еще! Вы представляете, сколько стоит вся эта возня? Горы документов, тонны информационных кристаллов и дисков, десять вагонов аппаратуры и сотни квалифицированных сотрудников, создающих тысячи спецэффектов. Вам придется бросить все текущие дела, Хорошеев! Раз вы не разглядели и не пресекли заговор в зародыше, будете трудиться до посинения сейчас, постфактум!

— Я понимаю, — директор ПСБ опустил взгляд. — Только...

— Никаких «только»! — завелся Президент. — Хотите сказать, что придется начинать с нуля? Я это и сам знаю.

— Я действительно в некоторой растерянности, — признался Хорошеев. — Заговор был настолько тщательно законспирирован, что на данный момент по всем моим каналам — агентурным, специальным, техническим, даже спутниковым — мы имеем полный ноль. Профессора Лебедянку заговорщики за ненадобностью убрали, целый батальон его «астрономов» в реанимации, два вагона аппаратуры и архив с записями уничтожены. «Криптон» улетел в неизвестном направлении. Остаются две ниточки: личность Лебедянку и пилот. Я изучу обстановку в Институте Астрофизики, но чутье мне подсказывает, что портрет Лебедянку там никто не узнает.

— Конечно, ведь он наверняка никакой не профессор, — вновь с запозданием сообразил Бубнов. — Все его документы тоже подделка.

— Я понял ваш намек, — Хорошеев кивнул.

— Намек? — удивился генерал. — Какой?

— Мои специалисты установят, где и кем были изготовлены фальшивые документы Лебедянко, — пояснил директор. — Но это вряд ли выведет нас на заказчика преступления.

— Тогда у вас остается единственная зацепка: выбор пилота, — немного успокоившись, подсказал Думский. — Ведь выбирал его лично профессор. Что, если буксиры вернутся пустыми и окажется, что пилот все-таки перешел в «Криптон»? Заранее.

— У нас есть мыслезапись, — возразил директор. — На таком уровне не совершь.

— Тогда копайте глубже! Ищите другие зацепки или какую-то опосредованную связь между профессором и пилотом.

— Возможно, это нам что-то даст, но я не уверен, — ответил Хорошеев. — Скорее всего, Лебедянко выбирал пилота только для прикрытия. Реальный «герой» сидел в «Криптоне» изначально.

— Но страшная история о мощном поле вокруг двигателей — правда, — возразил Президент. — Когда-то я читал об этом научно-популярную статью. Значит, дублер Пустотелова должен быть таким же, как он. Как использовать этот факт, я не знаю, но для этого есть вы и ваша служба. Действуйте, Хорошеев. И для полной ясности учтите вот что... Астероид, гм... так сказать... улетел, но сроки остаются теми же. Двое с половиной суток. Не уложите — пеняйте на себя!

ГЛАВА 7

«— Копать со всем старанием», — таким был приказ Хорошеева. Он лично инструктировал специального агента Щеткина и агента Совковского. Даже больше, он рассказал им о чудовищной афере, которую группе заговорщиков удалось провернуть под самым носом у службы безопасности, и наделил «сто семнадцатую двойку» невероятно высокими полномочиями. «Кровь из носу, но найди мне связь между Федором и Лебедянко!» — потрясая кулаком, приказал директор агентам, выделив, таким образом, их из общей массы сотрудников ПСБ. Высокое доверие начальства настроило Щеткина и Совковского на самую что ни на есть деловую волну. Они понимали главное — провал нового задания означал бы позорнейшую отставку. В случае успеха начальственного ворчания все равно было не избежать, ведь Пустотелова они вовремя не раскусили, хотя имели в распоряжении мыслеграф, но ворчание — не отставка. Его пережить можно. Да и неизвестно еще, какова степень вины Федора. И есть ли она вообще.

Щеткин невольно задержал дыхание, когда на подруливший к люку буксира трап шагнул измученный суточным полетом Пустотелов. Вопреки опасениям, Федор вернулся, а значит, «Криптон» угнал не он и версия о его причастности к заговору рушилась. А вместе с ней рушилась и версия о халатном отношении агентов к предварительному изучению кандидата. Это было уже кое-что. Агент включил уловитель мыслей и, расплывшись в дежурной улыбке, шагнул навстречу несостоявшемуся герою.

— С возвращением!

«Шел бы ты... подальше. Ты ж не знаешь, чего мне стоило это возвращение. Спасители человечества недоученные. Кто из вас кнопки нажимал? Чуть кишки не выпустили. Еле очухался. Десять «же» — это не шуточки. Нельзя было помягче развернуть?»

— Удивлен? — вслух спросил Федор. — А начальство твое? Оно меня специально запугивало, что не вернусь, или просто передумало астероид бодать?

— Понимаешь, Федя, — Щеткин доверительно приобнял космонавта за героически увеличенные скафандром плечи. — Накладочка вышла. Если бы «Криптон» сел на астероид, ты бы там точно остался. Не смогли бы буксиры вернуться. Да только не сел никуда крейсер. И нам страшно хочется выяснить — почему?

«Не сел? Ну, вообще-то, да. Никакие люки не открывались, и никакие кнопки на пульте «Криптона» я не нажимал. Потому что никуда не переходил. Накладка? Промазали с расчетами? Это что же, мне снова лететь придется? Рано обрадовался? Плевать, конечно, но только бы не сразу. Чешется все. Помыться бы да пожрать по-человечески...»

— А я почему знаю? — Пустотелов пожал плечами. — Мое дело было кнопку нажать. Только люк в крейсер так и не открылся. Я ждал. А тут вдруг разворот — и домой.

— Мы знаем, Федя, — голос Щеткина стал исключительно ласковым. Как бывает у палача. — Пять минут до посадки на астероид оставалось, и вдруг — щелк! — буксиры отцепились, а «Криптон» — бах! — и развил тягу. И поминай как звали.

«Тягу? Кто ж ему приказал? Я в его рубку не заглядывал. Или там еще один пилот был? А я тогда зачем? Темнит что-то агент. «Щелк», «бах»... Никак, свалить на меня чего-то задумали? Подставить. Крайним сделать. Значит, все же придется в герои записаться?

В смысле — в антигерои...»

— Ну, а я при чем?

— Ты? — агент внимательно взглянул Пустотелову в глаза, а затем снова покосился на часы с инструкцией. — Может, и ни при чем. Да только, понимаешь, Федя, есть у нас подозрение, что шепнул тебе что-то перед полетом господин Лебедянок. А? Признайся, шепнул?

«Шепнул? Что он мог шепнуть? Сидел, мямлил про долг перед человечеством, про вселенскую миссию. Какие-то примеры приводил из истории. Рассуждал об ответственности перед грядущими поколениями. Бредил, короче говоря. Или хотел грех с души снять. Самого себя убедить, что я лечу добровольно. Не знаю. И ничего не шептал. А почему он должен был шептать? Или агенты подозревают, что из-за профессора крейсер улетел? Стоп, стоп... Крейсер улетел? А бульжник он с собой прихватил или как?»

— Ничего не шептал, — разродился Федор. — А что случилось-то?

— Вот то и случилось, — Щеткин говорил все еще с подозрением, но хотя бы не так ужасающе ласково. — Улетел «Криптон». В дальние дали. С концами.

«Во дела... Не зря, выходит, я согласился в эту авантюру влезть. Все-таки они меня удивили. Поровну, конечно, куда их крейсер улетел и кто его увел, но сам факт достоин восхищения. Ну, профессор, ну, артист! Всех нагрел. И ПСБ хваленое, и всех этих инженеров с программистами. Крейсер угнал. Это ж еще додуматься надо. Молодец, ничего не скажешь...»

Агент Щеткин поморщился и спрятал «часы» под манжету. Федор еще несколько секунд пожевал очередную реплику, а затем спросил:

— С астероидом улетел или сам по себе?

— С концами, тебе же сказали, — угрюмо ответил молчавший до сих пор Совковский.

— Профессор и насчет «кирпича» нас нагрел, — невольно проговорился о своем «мыслеведении» Щеткин.

На его счастье, Федор ничего не заметил.

«Это уже совсем круто. Высший пилотаж. Нагреть всех астрономов Планеты на целый астероид. Да не какой-то там кувыркающийся параллельным курсом где-то в далекой-предалекой галактике, а летящий прямоком на телескопы. Серьезная оплеуха. Всему научному сообществу. Хотя, скорее всего, Лебедянок обманул только правительство. Ведь недаром все было покрыто мраком. Как он там говорил, на инструктаже? «Во избежание паники... неотвратимая угроза... вся ответственность на правительстве и секретном астрофизическом центре...» Вот и доигрались в секретность, умники. Один пузатый профессор обманул целое правительство со всей верхушкой армии, флота и ПСБ. А брось

правители открытый призыв общественности, тысячи астрономов бы нашлись, которые Лебедянку в момент бы на чистую воду вывели...»

— Да-а, бывает, — протянул Пустотелов. — А меня-то вы чего обнимаете? Думаете, я с профессором заодно? Так ведь я в крейсер не проникал и ни в какие дальние дали на нем не улетаю. С концами.

Он взглянул на Совковского. Тот промолчал, равнодушно отбив пустотеловский взгляд напарнику.

— Это мы видим, Федя, — Щеткин говорил уже почти нормально. Без многообещающих интонаций. — Но все-таки хотим понять, почему именно ты? Зачем профессору потребовался герой непременно твоего умственного склада и печального образа? Что ты сам об этом думаешь, идальго?

«Идальго? Это чего? Козел на современном языке? Надо будет у Машки спросить. Она в нынешних матюгах на все сто подкована. А зачем профессору потребовался непременно я, у него и спрашивайте, сыщики ленивые. Я-то почему знаю? Он говорил про какое-то поле вокруг двигателей. А что там было на самом деле — одному Лебедянке известно...»

— Не знаю я. Чего вы доскреблись? Если астероида больше нету, я домой пойду, — Федор почесал шею там, где ее натер скафандр. — Куда эту робу сдать?

— А кто тебя отпускал? — грозно нахмурился Совковский.

— Постой, — Щеткин поднял руку. — Верно Федор говорит. Астероида больше нет. Значит, герой свое дело сделал. Нет у нас оснований его задерживать. Вот сдаст скафандр, подпишет документ о неразглашении государственной тайны и пусть идет. Он же гражданин. Имеет полное гражданское право.

«Вот именно... Имею право идти домой. А вы все идите...»

Щеткин не стал дочитывать очередной мысле перехват.

— Но... — Совковский удивленно взглянул на специального агента.

— Принеси бланк подписки, — Щеткин подмигнул.

— А-а, — напарник наконец-то сообразил, в чем дело. — Сейчас принесу.

Формула «отпустить и проследить» срабатывала не один раз. И даже не два. Она срабатывала всегда, когда агентам было не лень ее применить. В данной ситуации лениться было невыгодно. Совковский это понял не хуже Щеткина, просто чуть позже. Он от природы был не столь гибок умом, как напарник.

* * *

— Ну и что ты думаешь? — спросил Щеткина Совковский, когда, покончив с формальностями, Федор пошагал к ближайшему эскалатору.

Щеткин выждал пару минут и подал напарнику знак следовать за подопечным. Шли агенты метрах в двадцати позади неторопливого Пустотелова, ни на секунду не спуская глаз с его сутулой спины.

— Что думаю — вопрос десятый. Но факты пока в пользу Федора. Из полета вернулся. Мысли у него чисты, будто у ребенка. Направляется домой. Ни с кем не связывается. Сейчас наверняка придет в свою хибару и завалится спать.

— Предварительно получив от своей Люськи по лбу сковородой, — со вздохом закончил Совковский.

— Знакомая история? — Щеткин усмехнулся. — Тебя Наталья тоже так встречает?

— А-а, — Совковский скривился и махнул рукой. — Не напоминай. После работы иногда и домой идти не хочется.

Он снова взмахнул, но теперь уже двумя руками и как-то слишком резко. Щеткин тут же бросился на тротуар, перекатился в сторону и выставил перед собой основной блок

мыслеграфа. Рефлексы сработали хорошо, но подкорка не учла, что вместо пистолета в кобуре лежит прибор для чтения мыслей. Щеткин чертыхнулся и спрятал мыслеграф обратно в кобуру, а затем вынул пистолет. Из кармана брюк.

К тому моменту Совковский замертво рухнул на тротуар, а Федор скрылся в вестибюле перехода на подземный уровень. Щеткин проверил пульс напарника и заодно включил у него на запястье тревожный маячок. Совковский был еще жив, а специальная «Скорая» прибывала по такому сигналу не позже чем через минуту. Шанс у напарника оставался. Щеткин подобрал с тротуара пистолет Совковского — даже получив тяжелое ранение, тот успел вынуть оружие из кобуры — и бросился следом за Пустотеловым.

У самых дверей в вестибюль асфальт под правой ногой агента взорвался, и довольно крупные куски хлестанули по голени. Щеткин споткнулся и с ужасом осознал, что летит со скоростью торпеды головой прямо в толстый цветной витраж. «Конец, — мелькнула мысль. — На такой скорости башкой в стекло — это верная смерть». Он зажмурился и потому не увидел, как за мгновение до «верной смерти» витрина вдруг взорвалась и осела сверкающим водопадом. Щеткин лишь услышал оглушительный грохот, звон и почувствовал, как по его макушке скользнули несколько осколков.

Упав на пол внутри вестибюля, агент снова перекатился почти к самому эскалатору и, заняв позицию, повел стволом пистолета из стороны в сторону. Люди поблизости были, но все они в ужасе присели и закрыли руками лица от разлетающихся осколков. Щеткин был уверен, что от удара головой в стекло его спас выстрел того же снайпера, который положил Совковского. Вторым выстрелом неизвестный злодей едва не отстрелил Щеткину ногу, а третьим голову, но, слава богу, попал в витрину. Ожидать продолжения банкета было вполне логично.

Но последовало продолжение не снаружи, а изнутри. Где-то внизу, на эскалаторе, послышалась возня, и знакомый голос, как всегда спокойно, спросил у кого-то:

— А в рыло?

Видимо, в ответ на предложение Пустотелова послышался звучный шлепок и пара глухих ударов.

«Один в торец, два по корпусу», — определил Щеткин и с юношеской прытью, стартовав прямо из партера, перемахнул через ограждение движущейся лестницы.

Федор сидел на ступеньках, примерно в десяти метрах по ходу первого из четырех эскалаторов «вниз», и ошалело мотал головой. Чуть ниже его стояли двое сердитых типов в неприметных куртках, кепках и темных очках. Один потирал кулаки, а другой целился в Федора из пистолета.

На раздумья времени у Щеткина не оставалось. Он вскинул свой излучатель и двумя точными выстрелами провертел во лбу вооруженного типа две дыры. Убитый рухнул на спину и проехал по железным ступеням пару метров. Его товарищ мгновенно прыгнул на движущийся поручень, скользнул на пятой точке далеко вниз и спрятался среди перепуганных граждан. Агент взял толпу на прицел и потормошил свободной рукой Федора.

— Пустотелов, живой? Вставай!

Федор откликнулся почти мгновенно. Секунд через десять. Он неуклюже встал и потер распухающую челюсть.

— Ни за что врезал, гад...

— За мной! — Щеткин запрыгнул на разделяющую эскалаторы тумбу. — Наверх! Понимаешь меня?!

Не дожидаясь ответа, он быстро перепрыгнул три других идущих вниз дорожки и остановился на тумбе между первым и вторым эскалаторами, везущими граждан наверх.

Заняв эту позицию, он вынул пистолет Совковского и взял на прицел сразу двух стволов максимально возможное пространство.

Это было не просто. Пять движущихся лестниц ползли стальными питонами впереди и еще три лязгали за спиной. И поток горожан на них был достаточно плотным сверху донизу. На всех двухстах метрах восьмиполосного стального пути из города солнца в город тьмы.

— Никому не шевелиться! — заорал Щеткин, водя стволами пистолетов по сторонам. — Стоять спокойно!

Федор соображал и двигался ужасно медленно, но в результате до него все же дошло, что безопаснее будет присоединиться к агенту, нежели спускаться на родной уровень, где его наверняка ждут приятели растянувшегося на ступеньках убийцы в темных очках, и он полез на тумбу. Эскалаторное «течение» к тому времени снесло его метров на пятьдесят вниз, и Щеткин был вынужден спускаться прямо по своей тумбе, спотыкаясь о выступы объемных ламп, чтобы оказаться к Федору как можно ближе. Ведь где-то скрывался второй нападавший. Что, если он успел доехать до нижнего уровня и пересел на лестницу «вверх»? Беззвучный выстрел из бесконечной вереницы едущих к солнцу граждан — и все кончено.

— Перебирайся ко мне, — приказал агент, напряженно всматриваясь в лица проезжающих. Федорово «положение в пространстве» он контролировал боковым зрением. Когда Пустотелов, наконец, свалился на ступеньки первого от середины эскалатора «вверх», Щеткин спрыгнул туда же и прижал Федора так, чтобы тот не смог подняться.

— Ты чего? — прохрипел Пустотелов. — Задавишь... кабан.

— Выживешь, — отмахнулся агент. — Так зато не подстрелят.

— Совсем... охренели... вы... с играми своими шпионскими, — уже почти на подъезде к верхней площадке высказался Федор.

— Какие уж тут игры, — Щеткин проводил взглядом ухмыляющуюся физиономию в темных очках. Кроме них, на человеке была и подозрительно знакомая куртка, и кепка. Но ехал он сверху. Тот, которого агент спугнул, спасая Федора, так быстро обернуться не мог, но провокация была откровенной, и это означало...

Щеткин схватил Пустотелова за шиворот и приготовился к новым испытаниям. На площадке верхнего вестибюля имелась служебная дверца. Если сразу прыгнуть к ней и удачно попасть с одного выстрела в замок... Сомнительно. Особенно если их там, наверху, много. Но делать нечего, придется рискнуть.

Эскалатор выровнял ступеньки и сбросил пассажиров на приемную площадку. Щеткин не стал всматриваться в лица встречающих и сразу же потянул Федора к служебной дверце.

— Щеткин! — позвал кто-то из толпы. — Отставить! Все в порядке!

Агент обернулся и с облегчением вздохнул. Вестибюль был полон полиции и агентов ПСБ. Никаких типов в кепках и очках среди них не наблюдалось.

— Рад тебя видеть, Пивцов, — Щеткин утер со лба испарину.

— О, угадал! — удивился агент. — Или научился различать?

— Угадал, — признался Щеткин. — Как там Совок?

— Увезли в больницу, — многозначительно подняв указательный палец, сообщил Пивцов.

— Раз не сразу в морг — выкарабкается, — решил Щеткин. — А где твой Воткин?

— А-а, там... — Пивцов махнул рукой за пределы вестибюля. — Изучает позицию, с которой стрелял снайпер. Да вон, уже идет.

— Никаких следов, — Воткин пожал плечами. — Место слишком людное. Затаптали. Народу-то вокруг... солнышко же, тепло, вот и греются.

— Это да, — Щеткин вспомнил очки и кепки злоумышленников. — Солнечно.

— Ну, — согласился Воткин.

Он улыбнулся во все тридцать два зуба и нацепил на переносицу темные очки модной в этом сезоне формы. Точно такие же, как были у плохих парней.

ГЛАВА 8

— Вы допросили Пустотелова? — Хорошеев задумчиво поиграл ручкой. — Он здесь?

— Да, в приемной. Он утверждает, что попытки вступить в контакт не было, — ответил Щеткин. — Злоумышленники хотели представить все как банальную драку. Видимо, она должна была закончиться ударом ножа. В кармане убитого мной субъекта нашли стилет.

— Значит, Федор простой «пассажир»?

— Получается, что так, — согласился агент. — Подручные заговорщиков замечают следы. Сначала Лебедянку и ЦУП, теперь Пустотелов. Он в этом деле побочный продукт, ничего существенного рассказать не может, но для надежности следует убрать и его.

— В таком случае, у нас не осталось ни одной ниточки, — вывел директор. — Скверно.

— Ниточек не осталось, но зато появилось много странного. Это все детали, но у меня возникли подозрения насчет профессиональной принадлежности агрессоров. Их методы почему-то напомнили мне действия спецназа. А еще у меня есть основания не доверять некоторым из коллег. Если посмотреть в корень проблемы...

Туманные рассуждения Щеткина подействовали на Хорошеева самым неожиданным образом. Он вдруг встрепенулся и, перебивая, прицелился в агента ручкой.

— Точно! «Зри в корень»! Вы натолкнули меня на интересную мысль. Что такого особенного было в «Криптоне»? Ведь профессор и его покровители решились на такую грандиозную кражу — целого крейсера!

— Ну-у...

— Что, вообще, было в прототипе, кроме основной конструкции и двигателей?

— Больше ничего.

— Вот именно, Щеткин! Вот он — «корень». Двигатели! Новейшие, мощнейшие и баснословно дорогие. А что будет, если, разобрав их по винтикам, скопировать все детали и поставить производство на поток?! Вы представляете, какие это сулит прибыли?

— Может, проще было выкрасть чертежи? — усомнился Щеткин.

— Вот вам и новая ниточка вместе с вопросом — что же все-таки проще: угнать крейсер или выкрасть чертежи? Вот за нее-то мы и потянем. Едем!

— Разрешите узнать...

— Куда? Там увидите.

— Нет, что делать с Пустотеловым? Запереть в камере?

— Чтобы его «случайно» зарезали уголовники? Или он ни с того ни с сего «повесился»? — Хорошеев выдвинул ящик стола и достал оттуда излучатель. — Нет, Щеткин, он поедет с нами. Так будет надежнее всего. Да и лишняя голова нам не помешает. Насколько я понял, соображает Пустотелов медленно, однако продуктивно. Так?

— Да, — согласился агент. — Его образ мышления рационален и... лично мне даже симпатичен.

— Вот и хорошо, — директор спрятал оружие в кобуру. — Как ни печально, я тоже вынужден признать, что доверяю только вам и самому себе.

* * *

Когда директорский лимузин привез троицу в тихий зеленый квартал непохожих, но одинаково дорогих коттеджей, Щеткин все еще не был уверен, что понял замысел Хорошеева. Прояснились намерения директора, лишь когда в ответ на его звонок раскрылась дверь одного из наиболее внушительных домов и на пороге возник крупный лысый мужчина средних лет. Вряд ли он знал Хорошеева лично, однако делать вид, что не догадывается, кто перед ним, хозяин дома не стал. Директор ПСБ нередко мелькал на экранах телевизоров. Лицо хозяина просияло, а густые усы приподнялись под натиском обезоруживающей улыбки.

— О-о! Господин Хорошеев! Оч-чень рад вас видеть, — он шагнул назад, приглашая войти, и протянул руку. — Надеюсь, пришли не арестовать? Х-ха-ха!

— Нет, господин Мерсье, я бы прислал...

— Приглашение по электронной почте? — ученый рассмеялся еще громче. — Проходите, проходите.

— Мы ненадолго, — директор осмотрелся. — У вас отличный дом, господин академик.

— Отличный дом — это фундамент фундаментальной науки! — заявил Мерсье и вновь рассмеялся.

С точки зрения Щеткина, это была никакая не шутка, но смех ученого звучал настолько заразительно, что он улыбнулся тоже. Безучастным к приятной атмосфере оставался лишь Федор. Он смотрел на висящую у входа в гостиную фотографию и размышлял о своем.

«Отличный дом... А семья? На фото он с двумя ребятами, похоже — сыновьями. Взрослые. Наверняка живут далеко. Ну и зачем нужен большой дом? Чтобы они, приехав раз в год, могли побродить по его комнатам, вспоминая детство? А если оно совсем забылось? Да так, что не вспомнить ничего интересного при всем желании. Я вот ничего не помню. И в дом свой старый никогда не езжу...»

— Но ведь вы занимаетесь не только теорией? — пошел в наступление Хорошеев. — Вам не чужды и прикладные аспекты, не так ли?

— Так, — смеясь, согласился академик. — Только наоборот. Прикладными аспектами занимаются мои ученики. Сам я ничего не внедряю. Только надуваю щеки и делаю вид, что самый умный. Х-ха-ха! Чай, кофе?

— Благодарю, — директор поднял руки. — Цейтнот.

— О-о... Это вредный напиток. Х-ха-ха! А вашим спутникам? Может быть, чего-нибудь освежающего? Колы или коньяку?

Соблюдая субординацию, Щеткин вежливо отказался, а вот Федор притормозил, и хозяин воспринял это как согласие.

— Лариса! — крикнул он на весь дом. — Принеси, пожалуйста, четыре колы... и четыре звездочки прихвати. Ха-ха!

— И все же... — попытался вернуть беседу в прежнее русло Хорошеев. — Вот, к примеру, двигатели для космических аппаратов. Это же вполне прикладной раздел. Их высокая эффективность...

— Двигатели?! — академик расхохотался. — Магнито-плазменные? Ха-а-ха! Чтобы «приложить» их к соответствующему разделу, надо в совершенстве освоить управляемый термоядерный синтез, господин Хорошеев. А пока наша наука тычется в эту проблему, как слепой щенок, такие двигатели построить не удастся! Это как раз и есть чистейшая теория, и на нашем веку ее вряд ли удастся воплотить в жизнь.

— Да? — директор растерянно взглянул на Щеткина. — И что же, никто до сих пор за нее не брался?

— За нее? Вы кого имеете в виду? — ученый подмигнул и снова рассмеялся.

— Вашу теорию, — уточнил Хорошеев. — О двигателях. Я понимаю, это секретные разработки, но возникла необходимость служебной проверки...

— Господин директор, — теперь удивился академик. — Зачем бы мне утаивать от вас такие факты? Такой серьезный прорыв. Да и кто, кроме вашего научного отдела, в курсе абсолютно всех секретных проектов? Нет. К сожалению, до двигателей мы пока не доросли. По моим прогнозам, еще как минимум десять лет с ними возиться. И это чтобы создать прототип. А уж до запуска в серию... Не на нашем с вами веку.

— И никто не смог бы их построить? Просто взяв вашу теорию за основу.

— Без моих новейших работ? Никто. Основа основой, а детали порой играют даже большую роль. Что толку от основы, если вы не знаете, как ее использовать? Вот вы в курсе, как работает ядерный реактор или бомба? Да? А что нужно, чтобы их построить? Какое оборудование, технологии... Вот то-то и оно! Так что решительно — нет. Без меня проект не сдвинул бы даже мой лучший ученик. Даже все мои ученики, вместе взятые.

— Ну, все-то... — негромко усомнился Щеткин. — Коллектив — это сила.

— Верно, — ученый кивнул. — Только эта сила ничто без точки приложения. Как граната без взрывателя. А он лежит у меня на письменном столе. Буквально сегодня закончил новую монографию как раз по теме интересующих вас двигателей. В прежних расчетах, оказывается, крылась небольшая неточность. Настолько небольшая, что создать — опять же чисто теоретически — двигатель было возможно, а вот заставить его развить то самое искомое усилие — нет. И никто из моих последователей этой ошибки не заметил. Вот вам и коллективный разум.

Он снова рассмеялся.

— Все ясно, — Хорошеев поднялся. — Спасибо, Василий Евграфович. Вы нам серьезно помогли.

— Никогда не думал, что пригожусь ПСБ, — академик пожал ему руку. — А в чем, собственно, суть ваших затруднений? Кто-то заявил, что построил двигатель Мерсье? Плюньте ему в лицо, господин директор. Дважды. Один раз лично от меня.

Понятно, что он опять расхохотался.

— Значит, и не «угнать», и не «выкрасть», — исподлобья взглянув на директора, тихо резюмировал Щеткин. — И то и другое нереально. Порвалась ниточка.

— Вот потому и люки не открылись, — вдруг заявил Пустотелов. — Куда мне было переходить? Только с буксира на буксир. Крейсера-то на самом деле никакого не было.

Хорошеев медленно обернулся к Федору и так же медленно сел в кресло. Увидев, как изменилось лицо директора, Мерсье сам сходил на кухню и принес стакан ледяной колы. Три остальных принесла-таки милейшая, но неторопливая Лариса.

— Щеткин... — прохрипел Хорошеев, сделав пару судорожных глотков. — Ты понимаешь, что это значит?

— Конечно, господин директор, — агент осушил свой стакан залпом. — У нас сперли не «Криптон», а большую кучу денег.

— Высотой с этот дом, — согласился с ним директор.

— В купюрах максимального достоинства, — закончил агент.

ГЛАВА 9

— Почему пропажи таких огромных средств не обнаружило ни одно контролирующее ведомство? — удивленно спросил Щеткин, когда они покинули дом развеселого академика. — Казначейство, счетная палата, налоговая полиция.

— По документам наверняка все было правильно, — Хорошеев задумчиво покачал головой. — Подставные фирмы, отчеты о поставках, сметы выполненных работ. Дело поставлено на широкую ногу. И управляют процессом, скорее всего, такие люди, до которых нам просто так не добраться. Нужны неопровержимые, убойные доказательства.

— Если мы докажем, что хотя бы одна из фирм, связанных с проектом, — дутая, развалится вся пирамида, — сказал агент. — Это ведь как карточный домик.

— Но мы не выявим заказчиков.

— Мы не найдем их ни при каких условиях, — заявил Щеткин. — Я уверен, что они предусмотрели все варианты. В том числе и вариант провала своей аферы.

— И все же попытаться стоит.

— Конечно. Мы ничего не теряем. Если след будет ложным, дело угаснет само по себе. Если удастся ухватить верную нить, нас просто убьют.

— Да-а, — Хорошеев приуныл.

«Как переживает человек... — мысленно посочувствовал ему Пустотелов. — Конечно. Будешь тут переживать. Такие деньги мимо прошли. И никто не поделился. С целым директором ПСБ. Виданное ли дело? Он теперь от обиды всех разоблачит. Чтoб неповадно было. Если, конечно, отступные не получит...»

— А кто? — вслух произнес Федор. — У вас же больше никаких ниточек не осталось. За кем будете охотиться? Кто подозреваемый?

— Кто? — Хорошеев поднял задумчивый взгляд к небу. — Труба — это понятно, все «работы» по строительству корабля, согласно липовым документам, велись на секретных верфях флота. И «астероид» якобы наблюдали тоже со спутников и станций флота. Однако почему Труба не сбежал?

— Не успел, — предположил Щеткин. — Или думал, что никто не догадается о его роли.

— Он адмирал, конечно, но не до такой степени, — возразил директор. — Нет, тут что-то другое.

— А кто маскировался под Лебедянку? — выдал Федор новый аналитический шедевр.

— Действительно, — Хорошеев укоризненно взглянул на Щеткина. — Почему раньше-то? Почему не подумали?

— Думали, — запротестовал агент, — только зацепок не нашли.

— Кто такой «Лебедянку» и кто так ловко придумал ему легенду, свел концы с концами и ввел лжепрофессора в высшие сферы? — директор задумчиво похлопал по крыше подрулившего лимузина.

— Серьезные вопросы, — озадачился агент. — И странно все. На грани нереального.

— На серьезные вопросы — серьезные ответы, — усаживаясь в машину, сказал Хорошеев. — Мне практически все ясно. Осталось проверить мои умозаключения на практике. Начнем с верфей.

* * *

Щеткин раскрыл дверцу машины, и генерал Бубнов ступил на лужайку перед неприметным, утопающим в зелени акаций домиком.

— Какого черта вы привезли меня в эту глухомань, агент? — строго спросил генерал.

— Это моя идея, — ответил за подчиненного Хорошеев.

Он появился из тщательно постриженного кустарникового лабиринта.

— Тогда какого черта вы пригласили меня в такую глухомань?

— Этого требуют обстоятельства, — ответил директор. — Здесь самое удобное место для частных бесед. Вы исполнили мою просьбу?

— Я должен был бросить все дела и выполнять вашу просьбу? Может быть, еще и лично?

— Я же просил, а не приказывал, — спокойно сказал Хорошеев. — Чего вы ерепенитесь?

— Нервничаю, — признался Бубнов. — То, что вы рассказали мне по спецсвязи, не укладывается в голове. Какая-то сказка наяву! Про голого короля... Все смотрели, как приближается астероид, читали отчеты о постройке «Криптона», и никто не увидел, что все это пустое место...

— Так вы сделали, что я просил?

— Сделал, — генерал вынул из кармана инфопроектор. — Вот отчет командира спецгруппы. С видеодокументами. Можете взглянуть.

— На верфях пусто, — предположил директор. — Я угадал?

— Судя по снятым кадрам, там никто не появлялся лет сто, — недовольно рыкнул Бубнов. — Ну, два года — точно.

— Снимали операторы спецгруппы? — негромко спросил Щеткин.

Генерал уничтожающе взглянул на выскочку-агента, но вспомнил, что дисциплина в ПСБ не культ, и вернулся к директору.

— Ну, не журналисты же.

— «Бешеные Волки»? — одобрительно кивнув подчиненному, предложил Хорошеев.

— На такие задания я элиту не посылаю, — Бубнов горделиво сложил руки на груди.

— Но ведь это секретное дело, — напомнил директор.

— Я понимаю, — генерал скривился. — На верфи летала спецгруппа ПСО...

— Планетарной Службы Охраны? — Хорошеев приподнял одну бровь. Удивился он или выразил иронию по поводу генеральского выбора, понять было сложно.

— Да, а что? В мирное время Охрана подчиняется мне так же, как и армия. Могу послать их, куда потребуется.

— Это же личная гвардия Президента. Вы допустили ослабление охраны первого лица планеты?

— Летала свободная от дежурства смена, — парировал генерал. — Вы же сами сказали, что дело секретное! Я должен был послать разведку регулярной армии? Или квартирнеров строительно-саперных войск?

— Нет, нет, все верно, — отступил директор. — Разрешите...

Он отнял у Бубнова проектор и передал его Щеткину.

— Срочно в лабораторию!

Агент подбросил проектор на ладони и быстрым шагом удалился в сторону домика.

— У вас тут запасная база? — генерал осмотрелся. — Хорошая маскировка. Так что вы хотели выяснить, проверяя верфи? Раз «Криптон» — миф, там и не могло быть никаких следов его строительства.

— Это и хотел, — Хорошеев кивнул. — Теперь гипотеза о том, что «Криптона» не существовало, имеет подтверждение.

— И что дальше?

— Будем искать, куда делся крейсер на самом деле.

— Его же не было! — удивился Бубнов.

— Не было мастодонта из стали и пластика, — возразил директор. — Но были ворохи документов, накладных и платежных ведомостей, по которым деньги уходили из казны. Были сотни фирм поставщиков, посредников и подрядчиков, которые эти деньги получали. Были банки, консорциумы и фонды, которые их перераспределяли и отмывали. И, наконец, были

люди, которые эти деньги получили. Причем, в отличие от бумаг, фирм и банков, люди не виртуальные, а настоящие, из плоти и крови. И они, опять же в отличие от бумажно-финансового прикрытия, не лопнули, не растворились и не сгорели. Они сидят где-то на большой куче банкнот и посмеиваются над нашей наивностью. Лично меня это раздражает. А вас?

— Меня? — генерал снял кепи и почесал лысину. — Ну-у... тоже, наверное. Только не раздражает, а злит. Не люблю, когда из меня делают идиота. Только... Что об этом думает Президент? Я как-то привык, знаете ли, чтобы все было по уставу. Сначала — приказ главкома, а уж после инициатива.

— Президент в курсе, — заверил его Хорошеев. — После моего доклада у него случился легкий сердечный приступ, но сейчас со здоровьем полный порядок. Однако есть опасность, что он все же не до конца понимает серьезность ситуации.

— Не понял, — Бубнов нахмурился. — Какой ситуации?

— Кто посоветовал вам отправить на верфи именно спецгруппу Службы Охраны? — неожиданно спросил директор.

— Посоветовал? Мне советчики не нужны, я сам... — генерал запнулся. — А вообще-то... Да, было такое. Но ведь сам Думский и посоветовал.

— Вот видите.

— Ну и что? Сами же говорите: «этого требуют обстоятельства». То есть доверять никому нельзя, так? Вот Президент и не доверяет. Только надежным людям из ближайшего окружения.

— А если это окружение водит его за нос?

— А если вас обманывают ваши источники информации? — рассердился Бубнов. — Тот агент, например, что меня привез.

— Всех своих людей я проверяю на мыслеграфе. Вы пользовались этим прибором, когда принимали рапорт командира спецгруппы?

— Нет, но это же... он же... служит у Президента с самого начала!

— А раньше он где служил? Не в армии?

— Нет, — генерал помотал головой. — Но какая разница?! К чему вы клоните?! Хотите сказать, что Президент находится под чужим влиянием? Что его «пасут» через офицеров его личной охраны?

— Это ваша мысль, — заметил Хорошеев.

— Ну, все, все... — сдался Бубнов. — Если вы прямо сейчас докажете, что ваши опасения не напрасны, я устрою офицерам охраны поголовную проверку.

— Лучше я, — возразил директор. — У меня больше опыта.

— Ладно, вы, — генерал усмехнулся. — Ну, где доказательства?

— Господин директор, — за спиной Хорошеева возник запыхавшийся Щеткин.

— Сделали?

— Да. Полная липа. Снято в павильоне. Вот заключение экспертов ИВР.

— Эксперты Института Военной Разведки для вас достаточно авторитетны? — поинтересовался директор у Бубнова.

— Кто это им разрешил проводить левые экспертизы? — пробурчал генерал, разглядывая отчет.

— Все оформлено в рамках межведомственной программы «Сотрудничество». Мы иногда помогаем вам, вы нам.

— Значит, на верфях в действительности не пусто? — сделал вывод Бубнов. — И что там тогда?

— Вот это нам и предстоит выяснить. Когда приступим к проверке кадров ПСО?
— Только скрытно! — предупредил генерал. — Нечего из-за пары паршивых карасей баламутить весь пруд! И если найдете что-нибудь, сразу рапорт! Лично мне.

— Разумеется, — Хорошеев пожал ему руку. — Щеткин, отвезите генерала в штаб и останьтесь там, как бы по личному вопросу. Вы же служили в армии?

— Было дело... но давно и не в ПСО.

— Знаю, — Хорошеев усмехнулся. — Легенда будет такая: затерялась какая-нибудь медаль, и вы решили отыскать наградной приказ, чтобы восстановить справедливость. Господин генерал, это повод, чтобы повертеться поблизости от службы кадров?

— Это повод, чтобы посетить архив, — пробурчал Бубнов. — Но там все в одном здании, даже на одном этаже.

Когда машина с генералом и Щеткиным отъехала, из лабиринта акаций вышел Федор.

— Что скажете, Пустотелов? — директор смерил его взглядом. — На чьей стороне генерал?

Федор долго смотрел вслед машине, затем примерно минуту почесывал в затылке и, наконец, разродился:

— «Паршивые караси» — сильно сказано. По-военному. Наш человек этот генерал, сразу видно. Финансовые аферы — не его профиль. Так и помрет с грошовой пенсией и тремя тысячами страховки на счету.

ГЛАВА 10

Щеткин спрятал диск в карман и бесшумно подошел к двери. В коридоре было тихо. Весь персонал архивно-кадровой службы обедал. Агент осторожно выскользнул из комнаты и быстро спустился по лестнице в вестибюль.

— Забрал медаль? — поинтересовался охранник.

— На обед все ушли, а у меня времени в обрез, — спокойно ответил агент. — Завтра забегу.

— Лучше в понедельник, — посоветовал офицер. — Завтра у нас плановая проверка боевой подготовки.

— Боевой подготовки? — удивился Щеткин. — В кадрах?

— А ты думал, наши тетki только по клавишам стучать умеют? — охранник усмехнулся. — Если потребуется, они любого снайпера уделают. А на татами что вытворяют, ты бы видел!

— А я хотел одной свидание назначить, — агент притворно вздохнул. — Теперь не рискну.

— Это правильно, — одобрил офицер. — У нас тут своих ухажеров хватает.

Щеткин вышел на улицу и по привычке быстро смешался с толпой. Как выяснилось, не напрасно. Спустя полминуты из штаба выбежали трое типов в штатском и модных солнцезащитных очках. Они о чем-то коротко посоветовались и бросились врассыпную. Двое помчались вправо и влево по улице, а один направился напрямик к агенту. За толчеей разглядеть Щеткина подозрительный субъект пока не мог, но в потоке пешеходов то и дело возникали опасные просветы. Агент нырнул в узкую улочку и, быстрым шагом обойдя пару кварталов, вернулся примерно туда, где стояла его машина. Прежде чем подойти к автомобилю, он тщательно осмотрелся и выяснил, что один из типов дежурит неподалеку. Кроме машины Щеткина, у обочины стояли два десятка экипажей, причем три из них принадлежали ПСБ. Преследователь, видимо, никак не мог решить, у какого из них следует устроить засаду.

Агент спрятался за спинами группы каких-то оживленно беседующих клерков и поравнялся с машиной. Вынув ключ, он нажал кнопку открытия дверцы, но тут же передумал и дал отбой. Садиться в машину Щеткину расхотелось. Брелок электронного ключа нарисовал на дисплее три символа. Первый означал, что машину открывали в отсутствие хозяина, второй сигнализировал о том, что нарушена электрическая цепь стартера, а третий предупреждал о появлении среди стандартного оборудования «неизвестного устройства». Для компьютера устройство, возможно, было неизвестным, но интуиции Щеткина его назначение представлялось ясным как день.

Агент снова повернул в боковую улочку и, выйдя на другой проспект, поймал такси. Когда он был от штаба уже в десятке кварталов, вдалеке прогремели два сильных взрыва и раздался вой пожарных сирен.

Типы в темных очках, видимо, так и не вычислили, какая из трех машин принадлежит Щеткину, и заминировали все три. Для надежности.

* * *

— Это уже слишком! — выслушав доклад агента, возмутился Хорошеев. — Они решили начать войну?! Ладно, они ее получат. Но мы нанесем удар не по исполнителям, а в самое сердце заговора! Только чуть позже. Что вы узнали по существу вопроса?

— Обнаружилась новая ниточка, — сообщил Щеткин. — Практически вся спецгруппа ПСО набрана из бывших сотрудников частной охранной фирмы «Центурион».

— Так я и знал! — директор удовлетворенно потер руки. — «Центурион», «Цезарь» и «Легион»! Три конторы с расширенными лицензиями! Те самые фирмы, которым доверено охранять политиков и сенаторов. Вот вам и след, Щеткин. А ведет он на самый верх! Тот, кто набирал для Президента спецгруппу, и есть главный заговорщик.

— Руководитель аппарата? Или все-таки Бубнов? Или начальник Службы Охраны? Или... еще десяток высокопоставленных чиновников?

— Понимаю, — Хорошеев немного успокоился. — Улики не указывают на кого-либо прямо. Но теперь у нас есть не просто зацепка, а отчетливый след. Это уже много. Что еще?

— Обнаружив связь охранников с частными фирмами, я проверил другие базы данных и выяснил еще одну тревожную подробность. Часть «центурионов» — транзитом через ПСО — рассосалась по прочим силовым ведомствам, включая наше, — Щеткин взял многозначительную паузу. — А сама фирма реорганизовалась до неузнаваемости. В ней не осталось никого из прежнего состава, и все архивные файлы были стерты. Чуть меньше чем четыре года назад «Центурион» фактически был создан заново.

— Грамотный ход, — оценил Хорошеев.

— Куча бабок не может лежать бесполезной горой в каком-нибудь подвале, — вдруг проснулся Пустотелов. До последнего момента он сидел в глубоком кресле, не проявляя к беседе абсолютно никакого интереса, и рассматривал пейзаж за окном.

— Что? — не сразу переключился Хорошеев. — При чем тут деньги? Мы же говорим о «Центурионе».

— А я говорю о главном, — всего лишь с минутной задержкой парировал Федор. — Не за тот хвост вы потянули. Это от ящерики пятая конечность. Оторвется и снова отрастет, а вам с него никакого навара. Надо искать частные капиталовложения, например, в космос. Кто в здравом уме станет финансировать космические исследования? Только тот, у кого есть лишние деньги и он готов потратить их на перспективу. Еще надо отследить серьезные закупки техники, проанализировать источники финансирования крупных строительных проектов, отчеты о сделках с золотом и алмазами за последние два года поднять, инвестиционные фонды пощупать. Ведь денег было украдено столько, что по мелочи за

десять лет не пристроишь. Значит, крупными пакетами они разошлись. Миллионов от ста и выше.

— А мне кажется, золотом капитал лежит, — возразил Щеткин. — Большой сверкающей кучей. Например, на тех «заброшенных» верфях. Сразу такие средства пристраивать нельзя. Слишком заметно. Лучше выдержать паузу, а после потихоньку, полегоньку и отмыть все украденное.

— Версии спорные, но проверка не помешает, я согласен, — сказал Хорошеев. — Вот только при чем тут наша основная цель? Мы хотим раскрыть заговор и арестовать его вдохновителей, а вы рассуждаете о том, как бы найти украденные миллионы.

— Разве одно мешает другому? — Щеткин немного смутился. — И потом, если мы найдем золото, это может спровоцировать заговорщиков на активные действия. Пытаясь отстоять награбленное, они покажут истинные лица, и мы их схватим. Как говорится, вора погубит жадность.

— Надо подумать, — сказал директор.

— Разрешите провести разведку! — воодушевился Щеткин. — Прямо в логове. На верфях. Если я прав, мы не только досрочно раскроем заговор, но и вернем в казну немислимые деньги!

— Жадность фраеров губит, а не воров, — очнулся Пустотелов. — И агентов.

— Умри, — отмахнулся Щеткин. — Господин директор, разрешите?!

— Лети, — согласился Хорошеев. — Раздумывать некогда. Я сам проверю, куда ведет след «Центуриона». Ну а ты, мыслитель, не желаешь свою версию проработать?

Он уставился на Федора. Тот вытаращился в ответ. Спустя минуту Пустотелов кивнул.

— Я проверю. Мне бы только приодеться и документы солидные.

— Запросто, — пообещал Хорошеев. — Станешь у нас бухгалтером Службы госрезерва, который наворовал капитал и теперь хочет его пристроить. Могу даже секретаршу тебе дать в помощь. Чтобы, пока ты тормозишь, на вопросы отвечала. Пройдешься по компаниям, фондам, банкам, выяснишь, кто чем дышит. Все данные будешь отправлять лично мне... одним секретным способом. А я их проанализирую. Ну что, договорились?

«Ну, а почему бы не стать бухгалтером? Образования, правда, нет, но ведь и на героя-космонавта я тоже не учился. Опять же, как тут откажешься? Ведь не просят, а приказывают. Пока вся эта катавасия не закончится, домой все равно непустят. Да я и сам туда не пойду. Там же эти... в очках...»

— Секретаршу... не толстую только.

— Чудак-человек, где ж ты толстых секретарш видел?! — Хорошеев рассмеялся. — Не волнуйся, Федор, подберем тебе такую пташку — одной улыбкой любого клерка расколлет.

* * *

«Нет, это не улов, — Федор скомкал список «обследованных» фирм и бросил его в урну. — Обыкновенные кидалы. Без масштаба. А секретаршу Хорошеев и впрямь настоящую подогнал. Таковую, что зубы сводит, только взглянешь. И худая. Фигура у нее — после Люськиной даже глазам больно. Где же все-таки водятся настоящие акулы? Под какими вывесками спрятались? Что тут? Фонд Поддержки Исследований. Интересно. Каких исследований? Космоса? Океанов? Исчезающих культур? Или исследований в принципе. Всяких разных. А по фасаду не скажешь, что меценаты обосновались. Больше на офис нефтяной компании похоже или на крупный банк. Надо проверить...»

— Света, нам сюда.

Секретарша понимающе улыбнулась и тронула за плечо водителя. От ее улыбки внутри у Федора что-то перевернулось и потеплело. словно бы опрокинулась чашка с кофе. Или рюмка водки.

Машина подрулила к подъезду Фонда, и проворный водитель быстро обежал ее, чтобы раскрыть перед Пустотеловым дверцу. До сегодняшнего дня перед Федором никто не открывал никаких дверей, однако он выбрался из авто с таким видом, словно давно уже привык к такому сервису. Водитель подал руку Свете, и тут для всей их тесной компании наступил момент триумфа. Сквозь стеклянные двери за подъехавшими гостями наблюдал примерно десяток человек, наверняка еще пять-шесть пялились в мониторы охранных систем. Что сейчас чувствовали все эти наблюдатели, Пустотелов знал по собственному опыту. Точеная ножка, вторая, бедра, талия, грудь, шея и, наконец, из тени лимузина показалось лицо. Прекрасная, обворожительная, стройная, сексапильная и черт знает еще какая Светлана! Секретарь-референт Федора Пустотелова, бухгалтера госрезерва... Визитная карточка — лучше не придумать. Что такое лимузин? Железяка, которую может купить в обычном салоне любой хапуга-миллионер. Телохранители, дорогие костюмы, перстни, очки в золотой оправе... Чушь. А вот такие секретарши... это да! Это надо поискать.

Во всех предыдущих фирмах такой эффектный «выход на сцену» срабатывал на все сто. Клерки теряли волю и были готовы заключить с Федором любую сделку, лишь бы подольше наслаждаться обществом его референта.

Пустотелов оценил масштабы здания и немного себя одернул. В таком небоскребе Светлане могло найтись немало достойных конкуренток. Впрочем, даже если так, секретарша должна была всего лишь отвлечь внимание и заболтать служащих, пока Пустотелов с важным видом будет анализировать условия размещения средств в Фонде, а мыслеграф станет передавать все его наблюдения и думы на компьютер Хорошеева.

— Чем могу быть полезен? — едва посетители вошли в здание, перед ними возник с иголки одетый молодой человек. На лацкане его пиджака болтался кусочек пластика с надписью «Мл. управляющий».

— Моего шефа интересуют условия размещения средств в вашем Фонде, — прощепетала Светлана невыразимо приятным голосом.

Молодой человек слегка подтаял и широким жестом указал на живописную полянку, прямо в центре холла. Посреди нее, между увитых цветами камней, чуть левее маленького водопада и чуть правее крошечного уголка настоящих тропических джунглей, стояли кресла и низкий столик. Видимо, это было местом для предварительных переговоров.

— Больших средств, — уточнил Пустотелов.

В роли крупного бизнесмена было одно неоспоримое преимущество: задержки с репликами выглядели вполне обоснованно.

— О, мы работаем с любыми суммами, — заверил его «мл. управляющий». — Но, конечно, чем больше вложение, тем выгоднее условия. Вот простейший пример: если вы доверите нам распорядиться тысячей кредитов, процентная ставка будет невелика. Около пяти процентов годовых. Но если сумма будет на порядок выше...

— А если на четыре? — Светлана очаровательно улыбнулась.

— На четыре, извините... порядка? — клерк запнулся.

— Или на пять, если вы вселите в нас уверенность в абсолютной надежности Фонда, — заявила девушка, приоткрывая портфельчик, полный ценных бумаг на предьявителя. Золотистая кайма по краю указывала на то, что каждая из них стоит не меньше миллиона. Управляющий покосился на бумаги и нервно сглотнул.

— О-о, вы можете быть полностью уверены! Абсолютно уверены! Скажу вам сразу, наш Фонд имеет солидный основной капитал и пользуется покровительством самых влиятельных фигур Планеты!

— Все так говорят, дорогуша, — Светлана выждала, когда «босс» Пустотелов плюхнется в кожаные объятия кресла, и присела рядом. — Но когда дело доходит до откровенного разговора, выясняется, что никаких покровителей не существует и у нас просто хотят выманить денежки.

— Ну что вы, сударыня! Что вы! Как можно! — клерк трагически взмахнул рукой и незаметно утер со лба пот. — Взгляните вокруг! Разве не заметно, что мы заботимся о своей репутации? Наш Фонд существует давно, и вехи нашего развития определены на многие годы вперед! Мы финансируем весьма и весьма перспективные проекты. Они и сейчас приносят немалую прибыль, но в будущем... Это ведь главное: стабильность и процветание в будущем. Вы согласны?

— Я согласна, — Светлана улыбнулась и глазами указала на Пустотелова. — Но этого мало. Надо, чтобы согласился и Федор Иванович, а его не так-то просто убедить.

— И насколько влиятельны ваши покровители? — равнодушно спросил Федор.

— Поймите меня правильно, Федор Иванович, я не могу ответить вам прямо, но... Наши покровители влиятельны... максимально. Понимаете меня?

«Отчего же не понять? Максимально — это много. Чуть больше, чем «очень», и чуть меньше, чем «божественно». Лопух. Увидел пачку векселей... или как там их называют... черт... ну, не важно. Увидел и потек, будто пломбир по Африке. Гнать надо таких «мл. управляющих» в шею. Эй, господин директор, вы мои мысли читаете? Кстати, вам по шее за такие штучки полагается. Додумались тоже! В мозги влезать без разрешения. Где ж такое записано? В каких Конституциях и «хабеас корпусках»? А как же права человека и все такое? Ну, ладно, за это я вам позже накостыляю. Короче, думаю, приехали мы. В точку попали. Чего дальше-то делать?»

— Понимаю, — Пустотелов кивнул. — Я готов говорить о деле, но с кем-нибудь более высокого ранга.

— Ну что же, Федя, давай поговорим, — послышалось из-за мини-джунглей.

Пустотелов медленно обернулся и увидел, что на спинку его кресла оперся улыбающийся агент Воткин. Или Пивцов. Различать «братьев» по лицам Федор научился, но по фамилиям по-прежнему путал.

— Желательно в кабинете директора Фонда, — в поле зрения появился и Пивцов. Или Воткин. В модных темных очках. — Светлана, мое почтение! Вас мы не задерживаем.

— Не хватает смелости выстрелить, глядя в глаза? — Света мгновенно преобразилась. Теперь она походила не на изнеженную «пташку», а на готовую к бою валькирию.

— Све-ста, — укоризненно протянул агент. — Мы же нормальные люди. Зачем вы так? Никто не станет стрелять вам в спину. Просто с этой минуты вы уволены из славных рядов ПСБ вместе с вашим шефом Хорошеевым и специальным агентом Щеткиным. Идите на все четыре стороны.

— И кто же меня уволил? Вы? Или ваш напарник?

— Нет, не мы, а тот, кто имеет на это право, — Пивцов усмехнулся. — Федор, информация дошла?

— Дошла, — Пустотелов встал.

— Ага, вижу. Тогда идем.

«Явно в точку попали. Максимальные покровители... Надо же. Кто, интересно было бы узнать. Вот, блин, все чаще ловлю себя на этом словечке. Может, и вправду

растормошился? Может, действительно интересно стало? Жаль, что поздно. Или еще не все потеряно? Вдруг пронесет? Как с тем «Криптоном». Хотя люди, которые могут надуть Президента и уволить директора ПСБ, шутить не станут. Профессора убрали, а уж меня и подавно раздавят, не поморщатся. Как таракана подвального. А потом и Хорошеева со Щеткиным, и Свету. Когда те станут не агентами ПСБ, а частными лицами. Так возни меньше и шума. Чтобы, значит, никто не догадался, куда ниточки заговора ведут...»

Шедший впереди «брат» Пивцов толкнул массивную дверь и, просунув голову в кабинет, поинтересовался:

— Разрешите?

Хозяин кабинета ничего не ответил вслух. Наверное, кивнул или подал еще какой-то знак. Пивцов обернулся к Федору и поманил его пальцем.

— Заходи, герой. Побеседуешь с максимально влиятельным человеком. Если, конечно, у него хватит на тебя терпения.

Шедший позади Воткин сильно толкнул Пустотелова в спину, и тот ввалился в кабинет, запнувшись о порог. Федор хотел было возмутиться, но когда обернулся к агенту, увидел только захлопнувшуюся дверь.

— Я хочу поговорить с глазу на глаз, — донеслось из глубины кабинета. — Располагайтесь, Федор Иванович. Вот здесь.

Пустотелов медленно обернулся и замер. Голоса, конечно, часто бывают похожими, но не узнать этого человека в лицо было трудно. Пустотелов прошел к столу и сел в указанное кресло.

— Здравствуйте... — выдохнул он, — господин Президент.

ГЛАВА 11

— Опустим предисловия, — Думский побарабанил пальцами по столу. — Мне весьма любопытно, как Хорошеев вышел на мой Фонд? Неужели он действительно настолько умен?

Федор промолчал, но не оттого, что задумался над ответом. В коридоре слышались какие-то невнятные голоса, возня и даже нечто, похожее на звук ударов. За последние три дня Пустотелов слышал такие звуки не впервые. Когда же возня в коридоре утихла и он собрался ответить, необходимость в этом отпала. Дверь широко распахнулась, и в кабинет вошли пять или шесть человек. Хорошеев, Щеткин и Света, а еще водитель лимузина и двое офицеров в форме знаменитого спецподразделения «Бешеные Волки». Все они держали наготове оружие. Федор чуть привстал и попытался заглянуть в коридор. Ни Пивцова, ни Воткина там не было. Только множество людей в штатском. И все со значками агентов ПСБ. А еще несколько офицеров-«волков» и сержантов в форме военной полиции.

— Это что, какой-то переворот? — Думский строго взглянул на Хорошеева.

— Это разоблачение заговора, господин Президент, — ухмыляясь, ответил директор. — Вы же сами определили сроки: двое с половиной суток, чтобы найти того, кто стоял за Лебедянку и Трубой. Очень было самонадеянно с вашей стороны отдавать такой приказ, будучи не до конца уверенным, что это действительно напрасная трата времени и сил. Вы ведь допускали возможность разоблачения, но решили рискнуть. Так? Ну что ж, риск себя не оправдал. Вы проиграли. Мы уложились в сорок восемь часов, господин бывший Президент. Ваше последнее распоряжение исполнено. Теперь можете подписывать «отречение от престола».

— Вы в своем уме?! — возмутился Думский. — Что это за шуточки?! Да за такое... Это вы сейчас напишете рапорт об отставке! Охрана! Арестовать этих... людей!

— Какая охрана? — фальшиво удивился Хорошеев. — А-а... ваша личная гвардия! Та, что раньше в полном составе трудилась в фирме «Центурион»? Извините, господин Думский,

но теперь она в том же составе сидит на гауптвахте в ожидании трибунала. И я не думаю, что начальник военной полиции выпустит ваших «центурионов» без разрешения генерала Бубнова.

— Значит, это не «дворцовый», а военный переворот, — сверкая глазами, сделал вывод Президент. — Это вам дорого обойдется!

— Только не надо этих штампованных фраз, — поморщился Хорошеев. — «В своем уме...», «дорого обойдется...». Мы же не фильм снимаем. Вся спецгруппа ПСО арестована, внедренные в военную разведку и ПСБ агенты разоблачены, афера с «Криптоном» и «астероидом» раскрыта. Вы попали в большую... помойную яму, господин Думский. Чистеньким из нее вам не выбраться.

— Вы славно потрудились, господин директор, — быстро сориентировался Президент. — Раскрыли заговор против Планеты... Отличная работа! Только зачем вы ворвались в это помещение с оружием? И, кажется, даже попытались обвинить меня в... небрежном отношении к подбору кадров для моего аппарата и личной охраны?

Хорошеев несколько секунд не отрываясь смотрел в глаза Президенту, а затем приказал:

— Кроме Щеткина и Пустотелова, всем выйти! Светлана, проследи снаружи, чтобы никто не подходил к дверям на пушечный выстрел.

Кабинет быстро очистился от лишних глаз и ушей, и Думский заметно расслабился.

— А теперь без театральных эффектов, Хорошеев. Выкладывайте.

— Легко, — директор удобно расположился в кресле рядом с Федором.

Щеткин присел на стул ближе к выходу. Пистолет он поставил на предохранитель, но в кобуру не спрятал.

Наблюдая за стремительным развитием событий, Федор успел только удивленно раскрыть рот. Щеткину ужасно хотелось узнать, что Пустотелов думает обо всем произошедшем, но сейчас важнее была кульминация.

— Начну с того, что стало вашей главной ошибкой, господин Думский...

— Пока еще — Президент, — с усмешкой поправил Думский. — И не моей ошибкой, а гипотетических заговорщиков.

— Итак, в чем была ошибка заговорщиков, — Хорошеев криво улыбнулся. Это означало, что игру он принимает. — Вы... то есть они, заговорщики, перемудрили с личной гвардией. Не стоило набирать ее из одних только «центурионов». Это слишком бросается в глаза.

— Это не преступление.

— Согласен. Но это отчетливый след, который может привести к раскрытию преступления. Частная охранная фирма «Центурион» работала на сенатора Думского задолго до того, как он стал Президентом. И как бы ни замалчивался этот факт впоследствии, правда все равно всплыла.

— Правда имеет такое свойство — всплывать, — согласился Думский. — Так же, как и дерьмо.

— Вот именно. И до последнего момента так называемая спецгруппа ПСО, а в народе — личная гвардия Президента, подчинялась не Бубнову, а непосредственно вам. Это факт номер два. Но и его нельзя считать преступлением. Однако есть факт номер три. По заданию Бубнова ваши гвардейцы слетали проверить брошенные верфи, на которых якобы строился «Криптон», но, возвратившись, они почему-то передали генералу липовый отчет. Из него следует, что верфи пусты. А на самом деле... Щеткин, что там на самом деле?

— На верфях — если смотреть издали — суперсовременная и хорошо укрепленная база, — доложил Щеткин. — Вся светится, что-то среди ее конструкций движется, вокруг летают челноки...

— Так вот оно где — гнездо террористов и космических пиратов?! — неубедительно возмутился Думский. — Покойный профессор Лебедев утверждал, что крейсер «Криптон» сможет решить проблему пиратства в считанные дни. Собственно говоря, по этой причине я и подписал секретный указ о строительстве «Криптона». Жаль, что это оказалось обманом.

— Обманом оказалось не только это, — прервал его «пламенную» речь Хорошеев. — Щеткин, дальше.

— Дальше совсем коротко, — сказал агент. — Вблизи — это обычный макет. Никаких террористов и пиратов там нет. Пустые киношные декорации, челноки на автопилотах и автоматические осветительные системы. Всего населения — десять пьяных техников.

— Ай-яй-яй, — Президент покачал головой. — И здесь обманули проклятые заговорщики.

— Но в отчете спецгруппы ясно сказано — верфи пусты. И на видеокдрах никакого макета нет. В чем же дело? А дело в том, что заговорщики допустили непростительную ошибку. Верфи надо было взорвать, как взорвали они Центр управления полетом, но главный заговорщик пожадничал и оставил улику. Почему же он пожадничал? Если мы пойдем причину, возможно, нам откроется имя главного заговорщика?

— Вы в прокуратуру податься не желаете? После выхода в отставку, — ухмыльнулся Думский. — У вас получится.

— Я прицеливаюсь выше, — парировал Хорошеев. — Вас погубила жадность, Думский. Придумав одну историю — о базах террористов и пиратов, которыми «нашпигован» ближайший космос, — вы пустили налево триста миллиардов кредитов под фальшивое строительство супероружия, последнего средства от волны разбоя, якобы захлестнувшей космические трассы. Бумажный суперкрейсер «Криптон» должен был избавить государство от картонных пиратов в два счета, но как после «победы» предъявить его общественности? Можно подкупить тысячу, десять тысяч человек, чтобы они поклялись, что видели «Криптон» своими глазами и даже ходили на нем в боевые походы. Средства позволяют. Но как подкупить всех жителей Планеты? Никак. Значит, крейсер следует «списать». В общем-то, если бы история закончилась в этом месте, все бы так и осталось шито-крыто. Но вас обуяла жадность. Вы решили извлечь из ситуации максимальную выгоду.

— Не я, а заговорщики, — покрываясь потом и багровея, напомнил Президент.

— Заговорщики, — Хорошеев сделал на слове заметный акцент, — решили, что списания трехсот миллиардов мало. Надо списать еще. Надо построить еще один крейсер. А лучше — два. Но как это сделать, пока не «амортизирован» первый «Криптон»? И — главное — хватит ли на это времени? Ведь заканчивается второй президентский срок, и переизбраться на третий у главного заговорщика шансов, скажем прямо, маловато... И вот тут коллектив высокопоставленных хапуг осеняет идея. Что может воодушевить народ настолько, что он плюнет на Конституцию и проголосует за Президента в третий раз, а заодно выдаст избраннику карт-бланш на «строительство» крейсера «Криптон-2», затем «3» и так далее? Только некое беспрецедентное событие. Какое? Атака пиратов, которые уничтожат «Криптон-1» и предъявят «беззащитной» Планете ультиматум? Слабо. И вовсе не на руку Президенту. Ведь получится, что он допустил потерю супероружия, а настоящий народный герой на такие ошибки права не имеет. Что же тогда? Что должно произойти такое грандиозное, чтобы и рейтинг поднялся до ста процентов, и аферу с виртуальным крейсером

скрыть, и получить дополнительные кредиты под «строительство» еще одной бумажной посудыны?

— Астероид, — увлекшись спектаклем, подсказал Щеткин.

— Верно. Угроза глобальной катастрофы. И рейтинговый подвиг обеспечен, и концы в воду. В этот момент на сцене и появляется незабвенный профессор Лебедянко, который обещает обставить все в лучшем виде. На самом деле, конечно, никакой он не профессор и не Лебедянко, а опытный авантюрист и «комбинатор»... Как его настоящая фамилия?

— Не знаю, — буркнул Думский. — Он, кстати, раньше на сцене появился. С идеей про астероид.

— А-а, так это идея «профессора»?

— Нет, у него был тайный помощник. Чтобы деньги со счетов снимать. Я его не знаю.

— Значит, навар делили на троих, — сделал вывод Хорошеев. — Учтем. Итак, Лебедянко. Его ввел в игру сам Президент, а потому никто и не интересовался, действительно он профессор или нет. Ну, а дальше игра пошла в открытую, и о печальном ее финале всем известно. Астероид, плохо мотивированный отказ расстрелять его ракетами, стопроцентная «идея» насчет «Криптона»... Вопрос о крейсере был бы поднят неизбежно, поскольку кулуарными усилиями господина Президента слухи о радикальном средстве против хорошо вооруженных космических пиратов с многочисленных космических поселений — вспомним макет базы на заброшенных верфях и улыбнемся — были самой модной тайной в правительстве на протяжении последних двух лет. И все бы сработало, не случись сбой в программе. В результате неполадок в главном игровом компьютере произошло непоправимое — крейсер «стартовал» на четыре минуты раньше срока, а виртуальный астероид исчез. Что оставалось заговорщикам? Только привести в действие запасной план. Первой его жертвой стал Лебедянко. Жертвой, надо заметить, не только президентских амбиций господина Думского, но и его жадности. Ведь с погибшим не пришлось делиться. Половина значительно лучше трети! Сколько вы потратили на спектакль, Думский? Миллиард, два, десять?

— Гораздо больше. Это же не фильм снять. Два года непрерывного функционирования компьютеров и работы персонала... Почти шестьдесят.

— Солидно. Значит, изначально вам причиталось восемьдесят, а после взрыва в ЦУПе перепали все сто двадцать? Неплохая цена за вагон аппаратуры и жизнь одного авантюриста.

— Я не отдавал приказа взорвать центр!

— К чему отпираться? Теперь это не сыграет решительно никакой роли. Одним преступлением больше, одним меньше... К тому же против вашей непричастности к взрыву свидетельствует такая весомая вещь, как мотив. У вас он был. Это несомненно. Кроме сорока миллиардов дополнительной прибыли, вы получали еще и козла отпущения. Старинное правило злодеев — не затевай преступление, если не на кого свалить вину. Навеки умолкший Лебедянко — прекрасный вариант!

— Еще Труба, — подсказал Щеткин.

— Верно. Потому адмирал никуда и не сбежал. Он ни при чем, и все его матюги справедливы. Ни он, ни флот ничего не знали ни о каких «Криптонах», пиратах и астероидах. Потому что занимались реальными делами. Они охраняли настоящий, фактический порядок в космосе, а не его виртуальный дубликат в недрах главного компьютера заговорщиков... Так что заговор раскрыт, господин Президент. Осталась самая малость: вернуть украденное в казну и отправить вас в отставку.

— У меня есть другое предложение, — Думский ослабил узел галстука и тяжело вздохнул. — Мы уничтожим макет пиратской базы и отправим всех арестованных

охранников дослуживать свой контракт в самый дальний гарнизон. А все документы по теме «Криптона» и астероида сотрем самым тщательным образом. До последней буквы и цифры. Что касается третьего срока... Без весомых оснований мне его не видать, но у меня в руках остаются все нити и рычаги. Да и денег достаточно. Я готов потратить довольно крупную сумму на «продвижение» нужного кандидата. И, поверьте, он победит. Но прежде он должен дать мне гарантии, что этот разговор останется тайной, а все мои средства — собственностью Фонда.

— Сделка? — удовлетворенно спросил Хорошеев. — Ну что же, давайте обсудим.

Щеткин заметно подался вперед. Его ноздри щекотал сильный запах денег и власти. Такие запахи агенту были по душе. Пустотелов же к перспективе стать одним из первых лиц Планеты остался безучастным. Свое отношение к деньгам он высказал, еще когда его вербовали в пилоты. На власть ему, видимо, было наплевать «максимально».

— У вас есть кандидат? — тон Думского стал привычно деловым.

— Я, — не задумываясь, ответил Хорошеев.

— Так я и думал, — признался Президент. — Вы дадите мне гарантии личной и финансовой неприкосновенности?

— С некоторыми условиями.

— Я готов выслушать.

— Вы отдадите мне... и моим подчиненным, — он указал на Щеткина и Пустотелова, — долю Лебедянку и того неизвестного типа.

— К сожалению...

— В таком случае, сделка не состоится!

— Выслушайте, Хорошеев! — взмолился Думский. — У меня нет их доли! Я могу дать вам... четверть от своей! Это все, что в моих силах!

— До свидания, — Хорошеев поднялся. — Читайте вечерние газеты. Заголовки в них будут не меньше чем в полстраницы.

— Все остальные деньги стараниями Лебедянку и его неизвестного помощника уже распозлились так, что не собрать! Они уходили на счета всяких дутых компаний-поставщиков корабельных конструкций и липовых производителей двигателей, которые после получения средств тут же рассыпались! Мгновенно! А деньги снимались этим проклятым неизвестным лицом, которого знал один Лебедянку.

— Получается, что «лицо» захапало две трети навара? — сообразил Хорошеев. — Ведь профессор взорвался.

— Именно так! — Думский, похоже, говорил искренне. — У меня остались только те деньги, которые через множество банков и фирм приходили, в конце концов, сюда, в Фонд! Это ровно треть от... заработанного.

— Украденного, — строго поправил Хорошеев. — Я согласен на половину вашей доли.

— Это... грабеж! — Думский позеленел.

— У меня двое помощников. Они же свидетели. Эта работа тоже хорошо оплачивается. Подумайте хорошенько. До выборов осталось полгода, господин Президент. Как раз достаточно для следствия. Как только ваше место займет новый кандидат и вы лишитесь президентского иммунитета, за вами придут мои агенты. Вам это надо?

— У президентов иммунитет сохраняется пожизненно, — попытался слабо возразить Думский.

— Читайте Конституцию, — уверенно заявил Хорошеев. — Когда речь идет о тяжких преступлениях, это правило не работает. Кража трехсот миллиардов — не проезд на красный свет. За это преступление вас будут судить. И еще как.

— Я согласен, — сдался Думский.

— Отлично, — Хорошеев крепко пожал ему руку. — И не вздумайте хитрить. Если вы попытаетесь с нами разобраться при помощи тайных связей — все материалы по «Криптону», включая запись этой беседы и отчет мыслеграфа, появятся в Планетарной инфосети. Если через полгода меня не выберут Президентом, произойдет то же самое. Если вы попытаетесь каким-либо образом скрыться и не заплатите мне честно заработанные сорок «арбузов», я вас найду и...

— Хватит! — Президент хлопнул ладонью по столу. — Я все понял! Сделка состоялась. А раз так, на ближайшие полгода я по-прежнему Президент, а вы директор ПСБ! Извольте соблюдать субординацию!

— Слушаюсь, господин Президент, — Хорошеев придал лицу серьезное выражение. — Какие будут распоряжения?

— У меня есть сведения, что усилиями группы из двоих авантюристов... во главе с неким Лебедянко, из казны по подложным документам была похищена крупная сумма...

— Да, да, я тоже что-то такое слышал, — ухмыльнулся Хорошеев.

— Приказываю вам найти оставшегося неизвестного похитителя!

— Займусь прямо сейчас, — пообещал директор. — Лично. Но ничего не обещаю. Дело может затянуться месяцев на шесть, а то и больше.

— Подключите грамотных специалистов. У вас же есть кандидат в преемники... на случай повышения?

— Конечно, — Хорошеев кивнул Щеткину. — Слышали приказ? Будете работать по этому делу. И старший аналитик ПСБ Пустотелов тоже.

Выражая благодарность за оказанное доверие, кандидат в директоры ПСБ вскочил со стула и вытянулся, как на параде. О том, что ему тоже следует подняться, «старший аналитик» Пустотелов догадался только через минуту.

* * *

— Никакого «третьего» мы, конечно, не найдем, — усаживаясь в лимузин, констатировал Хорошеев.

— Думаете, его не существует? — удивился Щеткин. — Думский наврал?

— Нет, говорил он правду. Это и мыслеграф подтверждает. Просто знал загадочного помощника один Лебедянко, а его уже не допросишь.

— Можно попробовать отследить пути движения денег...

— И что толку? Даже добравшись до фамилии незнакомца, который снимал средства, мы не узнаем, кто этот человек на самом деле. У него может быть тысяча имен и лиц. А также десять комплектов перчаток с липовыми отпечатками пальцев и двадцать голосовых модуляторов в кармане.

— Получается, сто шестьдесят миллиардов потеряны безвозвратно? — ужаснулся Щеткин.

— Круто, да? — Хорошеев невесело усмехнулся. — С одной стороны, потеряны, но с другой — это лишь перераспределение. Ведь они не сгорели, а остались в мировом обороте.

— Слабое утешение, — возразил Щеткин. — Меня просто трясет, когда думаю, что какой-то гад за два года нагрел такой капитал.

— А ты взгляни на Пустотелова, — иронично посоветовал директор. — Вот как надо жить. Спокойно и неторопливо. Тогда и трясти не будет.

«Спокойно и неторопливо... Конечно это лучше, чем переживать из-за каких-то там миллиардов. На что они сдались? Тут с тысячей не знаешь, как поступить, если вдруг обломится, а они о таких деньжищах печалются. Когда их больше миллиона, наверное, уже никакой разницы, сколько их конкретно. Плюс-минус... Суета. И неинтересно. А хуже скучной суеты ничего нет. Даже подвал с Люськой и то лучше...»

— Вы меня у эскалатора высадите, — попросил Федор вслух.

— Зачем? — удивился Щеткин. — Тебе больше не обязательно жить в подземелье.

Можешь купить дом, машину, начать новую жизнь. Ты теперь богач. Хочешь, вон Светку на ужин пригласи. Она, конечно, не в курсе наших дел, но чутье у нее острое. Как унюхает, что ты теперь миллионер, наизнанку для тебя вывернется.

«Света... Хорошая девица, только не надо мне этих забот. Мне бы поспокойнее жизнь устроить. Пусть даже в подвале, пусть с Люськой. А миллионы эти... да ну их. Одна морока...»

— Лучше я домой пойду, — Пустотелов вздохнул. — Или теперь мы повязаны и мне придется жить наверху?

Щеткин и Хорошеев дружно рассмеялись.

— Жить ты волен где угодно, Федя, — сказал директор. — Хотя болтать, конечно, не следует.

— Все равно тебе никто не поверит, — добавил Щеткин. — Еще в психушку потянут, а это суета и нервотрепка. Так?

«Суета и нервотрепка. Агент прав. Наверное, опять, скотина, мысли считывает своим прибором. Да я и не собирался никому ничего рассказывать. Конечно, никто не поверит. Шутка ли, какой-то подземный юродивый самого Президента лично знает. Да не просто знает, а еще и дела с ним какие-то имел. Точно в «дурку» закроют. Ну, молчать-то — не проблема. Только Люське как-то надо объяснить. Трое суток ведь где-то пропадал. Сказать, что встретил старых дружков и загудел? Может, и поверит. Впрочем, поверит — не поверит, какая разница? Поорет маленько. Так ведь она в любом случае орать будет, что ни сочини. В общем, разберемся как-нибудь. Без души когда, без надрыва, это легко. Когда на все плевать...»

— Ладно. Никому не скажу.

Лимузин остановился у ближайшего эскалатора, и Федор побрел домой.

Его сутулая спина уже давно затерялась в толпе спешащих граждан, а Хорошеев так и не приказал ехать дальше. Он задумчиво смотрел на затемненные витрины вестибюля и молчал. Не понимая, в чем дело, Щеткин чувствовал себя неудобно, однако не решался прерывать его размышления.

— Почему все-таки «профессору» Лебедянко потребовался такой, как Федор? — наконец произнес Хорошеев. — К чему было придумывать утку про губительные магнитные поля от движков?

Щеткин понимал, что как без пяти минут директор ПСБ должен непременно иметь собственные версии на все случаи жизни, но вопрос Хорошеева застал агента врасплох. Надо было что-то сказать, но в голове почему-то образовалась пустота. А время шло.

— А почему вы решили, что ему требовался именно такой, как Федор? — брякнул он, лишь бы не молчать.

— Что? — взгляд директора из задумчивого превратился в стеклянный. Как тогда, в доме академика, когда стало ясно, что «Криптона» не существует. — Именно такой? Такой... как. Ну... мы... и ослы... — произнес он с расстановкой.

— В каком смысле? — не понял Щеткин.

— В прямом, — Хорошеев легонько постучал себя ладонью по лбу. — Профессору требовался не такой, КАК Федор, а КОНКРЕТНО Федор! Лебедянко был УВЕРЕН, что агенты приведут к нему Пустотелова!

— Почему и зачем? — все еще не включился агент.

— За чем, за чем... — Хорошеев неожиданно выбрался из лимузина и быстрым шагом направился к эскалатору. — За мной!

— Может, подкрепление... — догоняя его, спросил Щеткин.

— Справимся, — отрезал директор.

* * *

На стук в дверь никто не ответил.

— Спят или ушли куда-то, — предположил Щеткин. Он почему-то чувствовал себя виноватым. Наверное, потому, что директор до сих пор так ничего и не объяснил. — Сейчас посильнее стукну.

— По балде себе постучи! — взвизгнула какая-то женщина из-за соседней двери. — Чего ломишься?! Трудно догадаться, что нет там никого?!

— А где, извините, ваши соседи? — обрадовался Щеткин. — Нам Пустотеловы нужны... Федор или Людмила.

— Какие еще Опустеловы? Какие соседи? Там Колька жил, да его два года назад посадили! Пусто там с тех пор! Никто не живет. Тараканы одни... зар-разы.

— Вы не путаете?

— Иди ты на хрен! Я еще из ума не выжила!

— Ничего не понимаю, — признался Щеткин, взглянув на директора. — Адрес вроде бы тот.

— А я, кажется, начинаю, — скептически глядя на агента, сказал Хорошеев. — С кем еще из местных контактировали?

— Кувалда... отпадает. А-а, еще с Поликарповым! У него кабачок на площади. Мы с вами мимо проходили. Там еще реклама пива «Голдберг» во всю витрину.

— Ну, идем.

В заведении Поликарпова пахло все так же подозрительно, но стало как-то чище и уютнее. Сказывалась перестановка мебели. Произшедшие изменения вселили в душу Щеткина нехорошее предчувствие.

— Где хозяин?

— Чего изволите, господа агенты? — подскочивший кабатчик был проникателен и учтив, но это был не Поликарпов.

— А где хозяин? — строго спросил Щеткин.

— Это я, — владелец кабака расплылся в сладчайшей улыбке.

— А Поликарпов?

— Ах, он... — обрадовался хозяин. — Он продал мне свое заведение и переехал наверх. Я уже заказал новую вывеску, но она будет готова только на следующей неделе.

— На следующей неделе, — растерянно повторил Щеткин. — И за сколько продал? Не для протокола.

— Сущие пустяки, — заверил кабатчик. — За половину рыночной стоимости. А что?

— Ничего. Спасибо. Процветайте.

Сотрудники ПСБ покинули кабачок «Поликарпова — не Поликарпова» и, не сговариваясь, пошли к эскалатору. Больше в подвале делать было нечего. Разве что прокатиться для разнообразия на метро.

— Невероятно, — уже стоя на неторопливо, как и все подземное, движущейся лестнице, выдавил из себя Щеткин. — Он продумал все детали. От первого до последнего штриха. Со всеми мельчайшими подробностями. Даже с фальшивой семьей и Поликарповым, которые наверняка уже получили свои гонорары и отвалили куда подальше. Даже с арестом Кувалды, который на деле служил у него телохранителем. Теперь мне понятно, почему тело этого бандита лежало лицом вниз и ногами к двери. Лебедянку решил воспользоваться моментом и убрать Федора еще до начала «полета». Солдаты начали стрелять, и Кувалда повалил Пустотелова на пол, прикрывая своим телом. А тормозил Федор, чтобы выглядеть как можно более безобидным. И не поскользнуться, ведь дело было более чем скользкое.

— Причем тормозил очень убедительно, поскольку не притворялся, а делал это на самом деле и очень добросовестно, — согласился с агентом Хорошеев. — Иначе мыслеграф ему было не обмануть.

— Нет, но каков подлец! Его философия мне почти уже нравилась, а теперь получается, что это сплошной обман?

— Если вы, господин вице-директор, вдумаетесь, какую грандиозную работу проделал его мозг, то поймете, что фальшивая философия пофигизма была не самой впечатляющей гранью творчества гражданина Пустотелова. Только представь себе, Щеткин, кроме того, что придумал сюжет для всей этой истории, он написал подробный сценарий, поставил пьесу на сцене и даже снял компьютерный фильм, а также исполнил главную роль. И умудрился не только выжить, но и разбогатеть.

— Поскольку предусмотрел, что Лебедянку, в конце концов, решит его кинуть, чтобы поделить навар только на двоих с Президентом, — подхватил Щеткин.

— И когда началась последняя фаза операции «Астероид» и профессор попытался грохнуть его прямо в камере, Пустотелов понял, что час пробил.

— Если бы получилось, Лебедянку тут же сдал бы назад и сказал, что влияние поля Мерсье преувеличено и сгодится любой другой пилот, — перебил директора Щеткин.

— Верно. Но не вышло, и Лебедянку все-таки был вынужден отправить Федора в полет без возврата.

— И тут Федя начал защищаться, — опять продолжил агент. — Для начала он изменил программу кибернавигаторов, а затем с чистой совестью взорвал профессора. Не пойму только — как?

— Скорее всего, заплатил кому-то из «диспетчеров» ЦУПа, а после отключил и программистам, — подсказал Хорошеев. — Благо денег у него хватало.

— То-то во время инструктажа один из инженеров куда-то стремительно улетучился, — вспомнил Щеткин сценку с «зомбированием». — Он спешил ввести в программу полета буксиров команду на возврат!

— Ну, а возвратившись из космоса, Федор аккуратно сдал нам до кучи и Президента, — вывел Хорошеев.

— То есть прикарманил две трети украденного, да еще и откусил от доли Думского, — Щеткин едва сдерживался, чтобы не рассмеяться. — Признаемся в главном? Хотя бы самим себе.

— Признаемся, — Хорошеева тоже начали потряхивать нервные смешки. — Деньги со счетов компаний снимал именно Пустотелов. Третье лицо, неизвестный мозг заговора, это Федор, которого на самом деле зовут, конечно же, иначе! А теперь он еще и выглядеть будет по-другому.

— Еще бы! Ведь талант к перевоплощениям у него просто отменный. Он умеет даже думать иначе, чем можно уловить с помощью мыслеграфа. А это не усы приклеить! Да-а... Что же получается, господин директор, мы снова в... калоше?

— Ну почему же? — Хорошеев наконец-то рассмеялся. — Перспективы служебного роста у нас приличные, заговор мы раскрыли окончательно и гонорар делим не на три, а на две части. Так что мы в прибыли, а не в калоше. Один нюанс — прибыль могла быть и больше, но... как там размышлял «Пустотелов»... после миллиона без разницы, сколько у тебя наличных...

— Ну да, — Щеткин покачал головой. — Особенно когда ты сидишь на большой куче денег и по укоренившейся за два года привычке размышляешь о смысле жизни.

— Или о новой аванюре.

— Что наиболее вероятно.